

Угорь Желанкин

**Забавные похождения
скромного домашнего
пьяницы
Петьки Фрола**

Игорь Желанкин

**Забавные похождения
скромного домашнего
пьяницы Петьки Фрола**

«Издательские решения»

Желанкин И.

Забавные похождения скромного домашнего пьяницы Петьки Фрола / И. Желанкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832685-1

Петька Фрол — отвратительный пьяница, который долгие годы пил, гулял, разлагался морально и постепенно опустился на самое дно человеческих пороков. Отчаяние, безнадёга, отсутствие смысла жизни — вот и всё, что оставалось в его бродяжьей душе на тот момент, когда судьба неожиданно сжалилась над ним. Она свела его с удивительными людьми, которые так же, как и он, оказались за гранью нашего измерения, но всё-таки смогли справиться со своим пагубным пристрастием.

ISBN 978-5-44-832685-1

© Желанкин И.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Глава первая.	9
Глава вторая.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Забавные похождения скромного домашнего пьяницы Петьки Фрола

Игорь Желанкин

© Игорь Желанкин, 2016

© Максим Грибов, дизайн обложки, 2016

© Максим Грибов, иллюстрации, 2016

Редактор Татьяна Ветрова

Корректор Елена Леденева

ISBN 978-5-4483-2685-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Автор выражает особую благодарность за помощь в создании книги и подготовке её к печати редактору Татьяне Ветровой, художнику Максиму Грибову, преподавателю немецкого языка Елене Комисьяновой, интернет-консультанту Сергею Березину, начальнику службы безопасности Олегу Белопольскому, коммерческому директору строительной фирмы Елене Самсоновой, участковому врачу Венере Губайдуллиной, инженеру-технологу Адольфу Тюрину, психотерапевту Леониду Хасдану, писателю Андрею С., бизнесмену Александру Фадееву, таксисту Тимофею Беспалову, обувных дел мастеру Евгению Сафарову, декоратору Сергею Евстигнееву, домохозяйке Ольге Юдиной, дизайнеру интерьера Анне Александровой, шофёру-экспедитору Сергею Захарову, удивительному человеку Лёхе-Рыбачку, product manager рекламного агентства Игорю Киселёву, поэту Льву Ченцову, механику АЗС «Лукойл» Владимиру Корепанову, стилисту Омару Разонову, персональному водителю Константину Морозову, главе компании КОН Александру Елисееву, архитектору Алексею Рунову, киоскёру Ольге Максимовой, хорошему товарищу Диме Божественно, работнику социальной службы Виталию Тарасову, хирургу Андрею Попову, председателю гаражного кооператива Владимиру Минееву, гражданину Грузии Левану Вешагури, стоматологу Евгению Кузьмину, автомеханику Азизу Рахманову, бригадиру жестяников СТОА Эдему Алиеву, заведующей студией моды Веронике Тсари, работнику Минэкономразвития России Инне Роциной, художнику-аппликатору из Иркутска Вячеславу Гринчук да и многим другим, поддерживающим его на протяжении долгого времени.

Предисловие

Я не порекомендую секс, наркотики, алкоголь и безумие никому из читающих эту книгу, хотя в моем случае они всегда работали отлично.

*Ангелина,
профессиональная фотомодель*

«Эх, не все в этом мире так просто, поэтому никогда не отчаивайтесь! Всегда живите надеждой на спасение! Ведь помощь в самых безнадежных ситуациях порой приходит, когда кажется, что все человеческие возможности исчерпаны!» – не устают восхищенно повторять герои романа, беседуя в кругу друзей за чашечкой кофе или размышляя наедине с собой в минуты душевного покоя.

«Совершенно верно!» – соглашаются с ними миллионы людей, тоже прошедшие чудовищный путь нравственного падения, но вернувшиеся в общество после длительного, а иногда даже и мучительного возрождения. Немного подумав, они добавляют: «Мы точно знаем, что в нашем случае помощь появилась в самый тяжелый момент и, скорее всего, оттуда, куда пока еще не может дотянуться наше мышление! Как жаль, что не все способны в это поверить из-за своих предубеждений и ограниченных взглядов! Как жаль, что мы не можем вывести строгую математическую формулу нашего избавления, чтобы жестоко опровергнуть некоторые аксиомы. И как же жаль, что многие все-таки еще не готовы к восприятию тех сказочных чудес, тех неизмеримых сил любви и добра, которые находятся вне материального мира и лежат за привычными рамками человеческого понимания!»

Пять лет назад к автору в гости приехала давнишняя приятельница, так сказать, подруга души, с которой он провел детство, отрочество, юность, с которой радовался небу, наслаждался жизнью, а бывало, и преодолевал всякие разные невзгоды. После легких поцелуев и приветственного чаепития, после рассказов о личных победах и обсуждения дальнейших творческих планов друзья, включив камин для романтики, развалились в удобных итальянских креслах и принялись увлеченно смотреть телевизионную передачу о человеческих пристрастиях. Убедившись, что в этом направлении в мире ничего не изменилось, Алла (так звали гостью), закутавшись в плед и нескромно поглядывая на отблеск зеркал старинного буфета и бутылку ликера, попыталась навязать товарищу разговор о непредсказуемости человеческого бытия, о нетленности нашей души, о необъятной величине пространства... Она вдруг захотела ему поведать о наших сокрытых возможностях. О тех ресурсах, которые, неоднократно увеличившись под воздействием Высшего Интеллекта, неизмеримо окрепнув и набравшись невероятной силы, могут помочь людям избавиться от страшных зависимостей. Задумавшись на мгновение, автор будущего романа вступил в спор, жарко доказывая прекрасной собеседнице, что, как бы то ни было, вся мощь добра (ну в самом-то деле!) лежит в глубине нашей сущности. Она с рождения собрана в сознании человека, и никакие силы извне никоим образом не могут повлиять на окончательный результат – изменить предназначенное. Уже ближе к трем часам ночи девушка решила, что на словах убедить приятеля будет крайне сложно, и предложила ему «на слабо» прогуляться до некоей организации – тайно посетить собрание членов одного интересного сообщества, замаскировавшись под самого конченного, крайне неприятного и алкоголически настроенного хама. К ее великому изумлению, автор не стал долго отнекиваться, а с радостью согласился, правда, постеснявшись заявиться туда в оборванной одежде и непривычном для него амплуа беспробудного пьяницы. Он предложил встречно другую версию развития событий, в которых будет выступать в роли корреспондента или журналиста. В общем, суть да дело, но, придя в обозначенное место и претенциозно разместившись возле столика с заморскими сладостями, автор убедился уже на личном опыте, что не все в этом мире так

просто и банально. Что есть в нем Тот, кто не позволяет обычным человечкам своевольничать, нагличать, упираться лбом в попытки сломать равновесие жизни и изменить существующий порядок, но в то же время призывает их не грустить, не отчаиваться, не унывать, а всего-навсего ждать, надеяться, строго следовать интуиции, прислушиваться к голосу Космоса и всегда рассчитывать на его помощь.

Автору довелось увидеть странное зрелище: рядом с ним сидело много трезвых людей, которые бесстрашно пили чай с медом, нагло кушали малиновое варенье ложками, но при этом почему-то называли себя алкоголиками. Он поначалу было еще удивился и почти возмутился, поскольку искренне надеялся встретить там моральных деградантов, никчемные отбросы общества, опущенных и завшивленных маргиналов, но потом успокоился и признал, что его представления абсолютно не соответствуют действительности. Ну, не соответствуют... Да хотя бы потому, что первый же алкоголик, подошедший к нему поздороваться, оказался профессором теологических наук...

Глава первая. Кукуша спасает мир

– Мы редко встречали человека, который следовал бы по нашему пути до конца и потерпел неудачу... – слышалось из президиума.

Сидя на колченогом табурете, симпатичная девушка лет тридцати удерживала на вытянутой руке книгу в обложке голубого цвета и негромко произносила текст. Рядом с ней по периметру длинного полированного стола расположились еще человек сорок. Возле каждого стояла чашка с чаем и лежали кусочки печенья. Публика была разношерстная. Посетители отличались друг от друга не только одеждой и возрастом. Казалось, что они еще различались и особенным выражением лица, отчаявшимся или восторженным взглядом, в котором любой наблюдатель мог заметить желание подчеркнуть собственную индивидуальность. Некоторые женщины имели дорогие украшения, а мужчины в большинстве своем выглядели крепкими, подтянутыми и довольно мужественными...

В самом начале этого странного мероприятия красавица зажгла большую пузатую свечку, небрежно позвонила в бронзовый колокольчик и заявила, что чести регламентировать ход сегодняшнего собрания удостоена она, Татьяна.

– ... На полной серьезности мы просим вас начать работу над собой с бесстрашия и честности!.. – медленно и чувственно продолжала ведущая, изредка поправляя очки в золотой оправе.

Помещение было хоть и просторным, но совсем не фонтан... Старенькая пластмассовая люстра, лениво отбрасывающая свет на дощатый пол, серо-коричневые стены, заляпанные кусками известки, желтые перекошенные рамы с треснутыми стеклами... Горбатые конторские стульчики, скорее всего, поначалу выглядели совсем новыми, и, видимо, кто-то позарился на них, позаимствовав из офиса какой-нибудь обанкротившейся фирмы, но поскольку спинки уже отсутствовали, а сиденья требовали срочного ремонта, эти покореженные изделия тоже прекрасно вписывались в интерьер. Такая мешанская и довольно бедная обстановка середины двадцатого века никак не соответствовала нынешним временам, ну а все присутствующие внушали любому постороннему некие подозрения. Помимо жратвы и питья на столах лежали сигареты и спички, хотя возле входной двери висел огромный плакат с перечеркнутой беломорской, призывающий не курить.

Петяня Фролов, рыжий, лохматый мужик средних лет в затрапезном прикиде разорившегося крестьянина, не обращая особого внимания на внешние раздражители, с неподдельным любопытством и явным недоверием вглядывался в чужие лица, пытаясь понять, какое же отношение к его проблеме имеют эти люди... Как объединить таких успешных представителей разумной расы и его, Петьку, развязного типа, грубого, циничного и жестокого?.. Каким образом можно предположить, что алкоголь и наркотики – единственная радость Петьки в этой жизни – этим людям тоже служили для обретения иллюзорного счастья и грязного удовольствия?.. Весь сегодняшний вечер какой-то липкий холодок обволакивал его душу, противно щекотал между лопатками и стремился к левой стороне груди, заставляя сердце работать на пределе.

Прямо напротив Фрола сторбился над блестящей поверхностью бородатый мужлан с красными, слезящимися глазами и хитрым взглядом.

«Хм... Вот отвратительная рожа! Странная какая-то... – нервно размышлял Петька. – Наверное, думает, где ему винца достать или косячка пыхнуть! А чего ему еще-то здесь делать? Сейчас скооперируется с кем-нибудь и начнет куролесить возле магазина! Очень известная картина, ничего нового... Ох, и попал я в переделку... Ну на фига я сюда приперся?! Сидел бы себе дома или во дворе б разлагался с бродягами...» Он перевел взгляд в сторону и обратил

внимание на хрупкую девушку, грустно уставившуюся в стакан с напитком и облизывающую потрескавшиеся губы: «Небось, со страшного похмела прибежала, решила, что тут наливают! А может, и так! Хрен его знает! Вдруг подцепит кого-нибудь, и тоже бухать отправятся!..»

Фрол пытался храбриться, невпопад юморить и мерзко язвить в душе, чтобы немного успокоиться и рассуждать непредвзято. Хотелось расставить мысли в правильном порядке, чтобы потом не наломать дров, не нагрубить кому-нибудь и не оказаться в неловком положении, но... Он просто был уверен, что, как бы там ни было и какие бы странные личности его ни окружали, но уж на людей, злостно потребляющих алкоголь и другие не менее интересные штучки, тут никто не похож... Петька повел плечом и шумно выдохнул, но избавиться от неприязни к соседям по столу опять не получилось.

Он никак не мог разобраться, что же такое с ним происходит, поскольку сейчас в нем боролись несколько чувств. Самым отвратительным был страх, который Фрол пытался скрыть за деланным презрением и цинизмом, но, ощущая на переносице чье-то внимание, он все же вздрагивал и поспешно отводил взгляд. Воздуха не хватало. Долго так продолжаться не могло, нервы были на пределе – срочно требовались разъяснения. Единственным человеком, которого он здесь знал и который способен был дать все необходимые ответы, являлась Анька Кукуша, заставившая его переодеться хоть во что-то чистое, клятвенно пообещавшая за визит бутылку непаленой водки с хорошей закуской и притащившая в этот вертеп, но девушка небрежно развалилась на стуле возле входа и была пока недосыгаема. Петьке стало окончательно тоскливо, и он отвернулся.

– О попечении и защите!.. – закончив предложение, Татьяна расправила плечи и властно посмотрела поверх очков на присутствующих.

Фрол поймал ее взгляд и соорудил такую гримасу, что где-нибудь в безлюдном месте девушка отшатнулась бы от его свирепой рожи и принялась бы оборачиваться в поисках ментов. Он независимо-злорадно ухмыльнулся, сделал глоток чая и, глубоко вздохнув, отломил ароматную печенюшку...

Странно все началось, прямо навалилась тяжесть какая-то, так сразу и не сообразишь, что, где и как, но вот уже довольно приличный период времени Фрол чувствовал себя очень нехорошо. Да что там нехорошо – хреновая ситуация была у Петьки, откровенно плохая. И если бы не пусячки малые, если бы не мелкие, ничего не значащие бытовые неприятности, то на периодически окружающие его странности он и до сих пор не обращал бы особого внимания. Но эти последние годы так сильно повернули Петькино существование, что он наконец решил задуматься всерьез, оглянуться назад и вспомнить свой пройденный путь... Отчего-то многое стало ему непонятно. Как-то разочаровался Фрол в жизни, не видел в ней никакого смысла, перестал осознавать, для чего люди рождаются вообще и что же нужно им на этой планете в частности. Гадал, что есть судьба человека, кто властен над ней и почему же она так коварна с одними и благосклонна к другим...

Петька иногда спрашивал свое отражение, с чего это он начал так глубоко рассуждать, что произошло с его ветреной головушкой? С чего бы его стала беспокоить разная бытовая суета – раньше-то такого никогда не случалось... Ведь много лет он беззаботно наслаждался жизнью, зажигал с приятелями, гулял на просторах Родины и относился с некоей долей презрения ко всему тому, что, с его точки зрения, не являлось достойным развлечением. Действительно, ну какое дело ему было до чьего-то благополучия или несчастья и даже до схемы построения мира, если это не касалось лично его? Если он почти всю жизнь эгоистично думал только о себе, о своих потребностях, о своих удовольствиях?

Фрол гордо считал себя сильным выпивохой, таким крутым застольным чемпионом, наверное, потому, что очень уж жестко употреблял алкоголь. Он и по молодости-то пил беззаботно – всего помногу и даже как-то жадно: суетливо глотал полными стаканами, желая опьянеть быстро, чтобы поскорей затуманились мозги, чтоб разум отключился от действительности. Да и сейчас бухал по-черному – тоже порой заливался до края подбородка, но старался не сразу слетать с катушек. Пытался держаться на ногах как можно дольше. Значится, вздумал Петька контролировать себя в этом вопросе. Почему-то вдруг вообразил, что именно теперь получится у него, что натренировался он уже, что окончательно привык он к крепким и совсем уж слабеньким жидкостям. Что до конца дней своих ему суждено утопать в пьяном удовольствии, ведь сблизился же Петька с алкоголем, прям как будто бы сроднился кровно и достиг совершенства. Вот беда, что кровно, то – да, но в остальном ошибся Фрол, заблудился в собственных иллюзиях... Где-то просчитался, поскользнулся о реальность и не смог совладать с чудовищной мощностью алкоголя. Не справился с суровым противником – все-таки не хватило сил противостоять его коварству. Гнул-то Петьку Бахус на той войне беспощадно: цепко держал за горло, старался подмять под себя, чтобы показать свою власть, чтобы изничтожить Петькину волю и растереть о землю. Всюду готовил ему хитрые ловушки, ставил для смеха в невероятные ситуации или порой подставлял грубо – заманивал и уводил одного в незнакомые чужие компании. Как говорится, изгалялся по-всякому... В общем, не выдержал, сломался Петька, и не помогли ему ни собственные моральные принципы, ни «правильные» философские убеждения. В последние годы начал Петька бухать совсем уж диким образом и постепенно опустился на самое дно человеческого существования.

Осознание слабости перед спиртным, конечно, пришло не сразу. Не в одночасье Фрол встрепенулся и задумался! Потребовалось немало лет, прежде чем он заметил странное: пьянки-то пьянками – все это очень прекрасно, но вот когда уже надоедала водочка, когда необходимо было на некоторое время отстраниться от коварного напитка, когда предлагалось для приличия содержать ум и память в трезвости – надолго Петьке терпения не хватало! Ему становилось очень трудно обходиться без возлияний, без алкоголя, и он начинал пить по новой.

Долгое время Фрол старался не обращать на этот факт особого внимания, частенько отворачивался от очевидного и яро кричал на всех углах, что хоть и не понятно ему, в чем тут дело, но еще не проиграл он эту битву! Что все-таки есть у него сила воли и выдержка в отно-

шении спиртного! Что если он захочет, то элементарно завяжет с оголтелыми пьянками! Что это только кажется, что он не умеет правильно употреблять водку, что разговоры на эту тему в его адрес – просто чьи-то бредни и дурацкие выводы! Что пьет-то он нормально, а иногда даже нормальнее многих других людей! Что оговаривают его некоторые, нагло завидуя, потому что, видите ли, по сравнению с ним все остальные просто слабенькие существа, совершенно не приспособленные для этого дела...

Смешно было смотреть на него, когда он, вытаращив глаза и вцепившись в чей-то отворот пальто, приводил в пример пару удивительных случаев, что, дескать, бутылку ноль пять у него вышло протянуть с утра и до обеда, твердо стоя на ногах и лишь поддерживая себя в легком тонусе. Смешно и больно, потому что это были слабые потуги убежать от горькой истины, ну и самая первая ошибка давних лет... Он думал, что способность употреблять водку «по расписанию» делает его особенным и возвышает над другими, считал, что никто не понимает, как он мучается, ограничивая себя! Что не замечают посторонние люди, как страдает он во время таких полутрезвых испытаний. Хм... Наверное, отсюда и пошли все его последующие заблуждения, когда Фрол, туполобо упершись в собственное мнение о самом себе, действительное положение вещей упорно не видел... Или видел, да только грустно ему становилось на душе от осознания истины, тоскливо. Ведь на самом-то деле никогда у Петьки не получалось обойти стороной товарищеские посиделки! Ни разу за многие годы ему не удалось надолго отказаться от алкоголя или немного сдержаться во время простых гулянок! А уж заведясь-то и расслабившись на больших праздниках, Петяня полностью терял контроль над количеством выпитого, переставал следить за своим поведением, а в случае нехватки спиртного обязательно где-то доставал его и ближе к вечеру отрывался совсем уж конкретно. Хотя и не понимал Фрол себя в такие моменты, но и не хотел менять что-то: ну нравилось ему с головой погружаться в глубокий пьяный анабиоз и утопать в удовольствии! Ведь это было какое-то волшебное состояние полного забытья, когда совершенно ничего не беспокоит в жизни.

Видимо, вот этот редкий дар – молча скрипеть зубами, гордо отталкивая протянутую рюмку, поразительная способность уже через полчаса нажраться до скотского вида, чудесным образом добыв для этой цели наличные дукаты, а также сильное сопротивление тела большим дозам алкоголя, скорее всего, и ввели Петьку в заблуждение, создав у него некие иллюзии в плане могущества над спиртным.

Фрол жил в районе известных банков и гуманитарных университетов, хотя жил – это громко сказано. Скорее, теперь просто был прописан, имел паспорт и лишь изредка появлялся дома дней на пять: пожарать наваристого борща с сосисками, отоспаться на гражданской кровати, помыться импортным шампунем, ну и обязательно сменить месячной давности нижнее белье. Хотя и тяжело это, но приходилось следить за собой, поддерживать более-менее приличный вид, чтобы никто не посмел считать его каким-то отребьем. Стыдно ж было красоваться перед товарищами небритым и грязным, ведь большую часть свободного времени Петька проводил с ними в собственном дворе, обыгрывая в классическую буру заезжих лохов и получая таким образом свой основной доход.

Картежные навыки появились у Петьки еще на далекой заре его процветания в период длительного общения с профессиональными каталами и мошенниками. Легкое жульничество и в молодости давало ему неплохую материальную поддержку – уже тогда он выделялся среди подельников. Но даже за давностью пьяных лет Фрол не потерял сноровки, не нашел себе равных, поэтому нынешние друзья смело садились с ним в пару для паса, надеясь облапошить очередного дурачка, чтобы обеспечить себе на вечер что-нибудь из халявного бухла. Эх, ведь играл Петька, как виртуоз, да что там играл – волшебным образом владел колодой, заставляя замороженно смотреть на мелькающие масти, забывая обо всем на свете и отдавать последние гроши.

Вторую чрезвычайно сомнительную часть доходов, но тоже крайне необходимую для поддержания статуса правильного домашнего бродяги, Фрол имел, когда давил на жалость

многочисленных студентов и офисных воротничков, шныряя с картонной табличкой в руках возле входа в метро и вдоль линии табачных ларьков. На табличке была написана лишь одна фраза, состоявшая всего из трех слов, но она действовала так эффективно, что Петька порой сам удивлялся результату попрошайничества. Этот незатейливый текст, совершенно не претендуя на авторское право, предложил ему заезжий бомжик из Красноярска, который продвигался на юга с помощью перекладных электричек, искренне надеясь обрести под палящим морским солнцем счастье и душевный покой. «Господа, помогите похмелиться!» – гласила надпись на мягкой картонке, сделанная второпях ворованным фломастером. Прохожие, восхищаясь прямоотой и честностью Петьки, одаривали его подбадривающими улыбками и целыми пригоршнями мелочи...

Имела место также пенсия, которая была ну совсем уж маленьким валютным бонусом и которую Фрол получал на почте ежемесячно за давнюю травму на железной дороге. Петька уходил от погони в новогоднюю ночь, в страхе метался из вагона в вагон, когда менты пытались его схватить, чтобы привлечь к ответственности за крапленые карты и последующий развод какого-то воронежского земледельца. От супостатов-то ему удалось смотаться – молодость победила, но, передвигаясь к хвосту поезда, он очень неудачно спланировал в боковую дверь...

В общем, деньги и спиртное текли рекой, да и клиенты разных рангов не переводились. Близлежащие винные магазины продавали алкоголь круглосуточно, и проблем ни со временем, ни с ассортиментом не возникало. Залетные, неизбалованные столичными изысками командированные активисты и заводские рабочие из черноземных областей обычно расстраивали Петьку, так как финансов у них было немного, на кон они ставили мало, да и пили эти ребята в основном дешевый портвейн, а закусывали соевыми сосисками. Фрол знакомился с ними от скуки и всегда только лишь с одним интересом – с целью слегка поправить здоровье. Он

делал это ненавязчиво, скромно, будто бы случайно, прекрасно понимая, что наглость в этих делах мало кому помогла. Конечно, ему не отказывали, наливали пару-тройку рюмок, но потом долго и слезливо беседовали о смысле жизни, о бренности бытия, о мирской суете... Прощаясь с ними вечером, Петька полутрезво грустил, сожалел о потерянном дне и поминал горьким словом абсолютно всех глупых и жадных клиентов, появившихся на его горизонте за последние полгода. Тоска...

Но бывало, зажигалась сказочная звезда и попадались поддатые аристократы, которые, безглаголиво поморщившись от предложенных услуг, растопыривали пальцы веером и царским движением снисходительно обнимали Петьку. Потом весело звонили в центральную службу занятости проституток и отправляли гонца за дорогущим коньяком или американским виски, разлитым в фигурные, пузатые бутылки с красивыми этикетками. Фрол жил да радовался в эти счастливые периоды наплыва богатых гостей, попевая и насшибать на рассвете денег, и досыта наиграться после обеда в картишки, облапошив в примитивную буру очередного начинающего банкира с какого-нибудь края Алтая, и ближе к ночи нажраться до предгорячего состояния напитками средней тяжести.

Но все-таки самая большая его радость заключалась в том, что он и раньше никогда и нигде не работал так, как это было принято, да и сейчас особо не напрягался. Пацаном ему приходилось разъезжать по городам огромной страны в поездах ближнего и дальнего следования, воровать или выманивать у наивных путешественников дорогие шмотки, толстые бумажники и ювелирные украшения. Чаще всего они с подельниками разыгрывали мошеннический спектакль в виде изящной схемы в преферанс или покер, где терпила-любитель после ночной изнуряющей партии с «профессионалами» лишался всех наличных денег и других ценностей, но осознавал это, только очнувшись утром возле туалета и последовательно ощупав опустошенные карманы на одежде. Довелось Петяне приторговывать и золотишком, и валютой, и драгоценными камушками, изредка наведываясь в самый центр столицы на Арбат к знакомым барыгам и скупщикам для «конвертации» товара в «советские деревянные».

К сожалению, и в те далекие времена бесшабашной молодости не все было хорошо, потому что Фрол уже тогда довольно жестко увлекался спиртными напитками. Пьяные беспечные срывы происходили не только в личных ситуациях и собственных жизненных перипетиях, они случались порой и в рабочих делах, так сказать, в дерзких коллективных аферах. Причем случались настолько внезапно, что частенько приводили к совсем уж печальным последствиям, когда по его вине срывался какой-нибудь лопушок. Сперва «коллеги» спокойно предлагали Петьке не подходить к объекту нетрезвым и мягко советовали не лезть поперек батьки, но Фрол никогда их не слушал. Он никого не боялся и почему-то считал себя умнее и удачливее всех. В жажде наживы гордый Петька бросался на очередного клиента в одиночку, наплевав на всех и желая показать свое превосходство, но почти всегда упускал добычу. Даже на изысканных кутежах в дорогих ресторанах и лучших пивных кабачках, где Фрол частенько расслаблялся по выходным, вдруг появившийся из ниоткуда товарищ, тут же становился объектом только его притязаний. Компаньоны не успевали что-то предпринять, и поэтому всегда выходило так, что, чуточку пообщавшись с полупьяным мошенником, гражданин мгновенно сворачивал манатки и шел на попятную, так и не пополнив общаковую кассу красивыми банковскими билетами. Подельники и члены жульнической бригады снова, но уже заметно грубее предупреждали Петьку о недопустимости такого аморального поведения и рассудительно толковали о негативном восприятии пьяного человека потенциальными жертвами. Угрожали Фролу строгим выговором за хамские поступки, отставкой от дела или жестокой расправой с обязательным расставанием навсегда, но он в моменты и тех задушевных бесед был глух и почти невменяем физически.

В общем, увольнение состоялось, когда терпение сподвижников полностью иссякло. Его с позором изгнали из компании профессиональных аферистов, строго-настрого запретив даже

думать о возвращении. Уже много позже, размышляя о былых свершениях и счастливых буднях, Фрол с тоской припоминал, как самый старый, но очень мудрый член их организации проходимцев говаривал ему, остановив в тамбуре поезда и многозначительно вытянув тонкие губы: «Эх, Петька, хороший ты человек, но есть у тебя одна плохая черта, которая сводит на нет все твои заслуги перед друзьями и нашей специальностью! Ну неужели ты не понимаешь, что тебе абсолютно нельзя пить водку?! Неужели ты не видишь, что она действует на тебя не так, как на остальных людей?! Разве ты не замечаешь, что ребята начинают тебя сторониться, уже посматривают свысока и несколько презрительно?! Неужто тебе трудно отказаться от посиделок с подельниками накануне большой покерной партии или не участвовать в процессе возлияния нежным коньяком после тяжелого трудового дня?! Ведь ты прекрасно знаешь, что хоть там изначально и затевается великая пьянка и грандиозная гулянка, наши ребята все-таки понимают, что в обществе дозволено не все, чего бы им хотелось! Поэтому они ведут себя соответственно событию, тихо радуются жизни, умно общаются с достойными дамами и выглядят как огурчики, а ты напиваешься до полной потери человеческого облика, начинаешь хамить и ругаться! Нехорошо это... Мало того что ты бросаешь тень на нашу организацию, еще и стопорится работа! Приходится срочно искать тебе замену, поскольку после таких выкрутасов полагаться на тебя какое-то время бессмысленно! Глупо надеяться на твою помощь в тяжелых ситуациях или в случае форс-мажора, потому что ты болеешь и мучаешься похмельем еще целую неделю!»

На этих словах его учительские интонации смягчались до отеческих и добрых, и он, со смехом взъерошив Петькину голову, удалялся в вагон-ресторан, оставив Петяню в смущении, в полной растерянности, но в очень похожих размышлениях. Тьфу ты, черт! Если бы знал тот мудрец, что Фрол и сам неоднократно задумывался над своим удивительным восприятием алкоголя! Над подозрительно-завлекательной хочухой вновь и вновь ощутить на языке терпкий вкус вина и крепость водки! Над невозможностью отказать приятелям, небрежно, но без обид оттолкнув протянутый бокальчик! Над странной и какой-то непонятной потребностью бухать даже тогда, когда казалось, что выпито уже более чем достаточно! Над грозным желанием матерно заявить о себе на весь зал и, само собой, потом широко помахать кулаками, разбивая в кровь чужие челюсти! Но он старался гнать прочь свои мысли и советы разных воспитателей, как не имеющие под собой реальной основы. Что уж и говорить, но в молодости все замечания, которые исходят из уст взрослых людей, воспринимаются с презрительным цинизмом, а то и с агрессией...

Через некоторое время самодеятельности Петька угодил за решетку, попытавшись в одиночку облапошить какого-то подозрительного профессора на сумму, превышающую государственную премию в несколько раз. «Ученый» был подставным лицом в специально созданном отряде борцов с мошенниками, поэтому на показательном процессе Фрол получил на всю катушку.

Прошли годы, Петька освободился и снова прочно обосновался в столице. Увольнение из рядов прощелыг и жуликов постепенно забывалось, путешествие в любимую республику заготовителей леса тоже вроде как стиралось из памяти, но картежные навыки остались, и не хотели исчезать из головы праздные принципы тюремной жизни. Опыт отсидки не пошел Фролу на пользу, бухать он не только не перестал, а даже и завязывать не пытался, поскольку помнил, как сильно страдал в колонии без водки. Но все же прибавилось чуть-чуть терпения, малость самоуважения. В беседах с людьми появились зачатки культуры и такта, манеры

стали приличнее, да и слабый страх перед своим непонятным желанием спиртного остепенил его. Наверное, поэтому Петяня, не особо доверяя своему вздорному и дерзкому характеру, прямо-таки доминирующему над его поступками в состоянии опьянения, крайне предусмотрительно и очень вовремя заимел жену и падчерицу, которые не вмешивались в его далекое прошлое и молча позволяли ему вести сомнительный образ жизни, периодически вытаскивая бездельника из камер спецприемников или, наоборот, подгоняя ему туда дорогие сигареты и сухое вино, когда Фрол отбывал там очередное наказание за мелкое хулиганство в нетрезвом виде. Видимо, не понимали они, что наносят Петьке непоправимый вред, что, потакая пьянству, спасая беднягу от похмелья и смиряясь под его манипуляциями, они убегают от горькой действительности – отворачиваются от проблемы. Мало того, они просто разрушают и психическое состояние, и физическое здоровье Фрола. В принципе и жена, и падчерица, и многочисленные их родственники, приходя на свиданку в клинику или изолятор, конечно, иногда пытались перед выпиской или освобождением воззвать к благоразумию и навести Петьку на мысль, что у него не все в порядке с употреблением, что он порой становится одержимым, даже невменяемым и не может контролировать количество выпитого и свое грубое поведение. Но Фрол, нарочно соорудив жалкую, несчастную мину и торопясь вернуться во двор к столику для домино, к приятелям, только отмахивался от назойливых «доброжелателей», уверяя их, что все у него хорошо и беспокоиться нет причин.

Со временем количество крепких напитков многократно увеличилось, и Фрол привык к постоянному чувству опьянения и кайфа – некоей алкогольной благодати... Ох, и возгордился он в тот момент! Возомнил, что нашел наконец-то свою контрольную дозу, ведь вопреки всему сумма пьяных дебошей осталась на прежнем уровне! Тогда-то и заключил он, что достиг совершенства, тогда-то и почувствовал ему, что познал он суть человеческого существования! Почему-то вдруг решил, что беспокоиться не о чем и теперь до конца дней ему суждено наслаждаться в пьяной эйфории! Как говорят, размечтался глупо, расслабился...

Но, к сожалению, лет пятнадцать назад что-то стало происходить в его организме не так, как раньше. Что-то давило на него изнутри, чем-то он был сильно обеспокоен в душе. Частенько Фрола тревожило непонятное состояние головы, от которого хотелось выть и беситься, как одержимому. Обычно оно появлялось, когда Петька оставался без капли алкоголя длительное время – особенно тяжело ему становилось через неделю. Тогда он раздражался буквально по любому поводу и начинал тупо ненавидеть весь мир. Ему казалось, что все вокруг готовятся сделать для него какую-нибудь пакость, навредить. Хотят обмануть в чем-то! Выражение лиц людей буквально наводило на Петьку страх! Ему иногда представлялись сцены ужасной расправы над ним – физической или моральной. Он почти ощущал боль от несуществующих побоев и как будто слышал истошные вопли истязателей. Как же Фрол не любил такие разлуки со стаканчиком, с каким страхом он ожидал очередного сухого периода! Но ему все-таки приходилось расставаться с желанным напитком, и каждый раз по разным причинам...

Бывало, что, устав от пьянки, продолжавшейся порой несколько недель и сопровождавшейся ежедневным похмельным синдромом, синюшными губами и дрожанием рук, Фрол по добром и без скандалов сдавался в плен любимой супруге Маше – завязывал бухать на месяц-другой, обычно предусмотрительно скрываясь в те горькие моменты на даче в Подмоскowie и полностью изолировав себя от цивилизации и дружков. Ведь Петька прекрасно знал, что отказать он никому не сможет, и приятели, искренне желая помочь ему из действительно добрых побуждений, всегда уговорят его поправить здоровье «хоть рюмочкой» или «чисто для сердца», а это неизменно приведет к очередному запою. Очень редко, но случалось, что у Фрола вдруг появлялось непримиримое отвращение к алкоголю и презрение к своим пьяным выкрутасам, правда, это происходило только после конкретных предупреждений участкового Сергеича, грозившего отправить Петьку на лечение в далекие и холодные районы России, или когда Фрол получал в очередной раз по репе от бугая-соседа по имени Барбос. На это про-

звище тот не отзывался, потому как не знал о нем, поскольку Петька произносил его гневным шепотом и под одеялом, отлеживаясь после легких пинков под зад. . .

Омерзительное ощущение от трезвости действительно уже давно тревожило Фрола, а иногда даже пугало: отчего-то абсолютно пропадало желание жить и вообще что-либо делать, но настолько хотелось выпить, прям до оскомины, до спазмов в горле, что Петька в конце концов переставал спорить с собственной головой. В такие моменты он с горечью понимал, что только небольшая доза спиртного может вернуть его в более или менее приличное состояние. Казалось, эта трезвая тревога была похожа на какую-то нервозную тягу, напрочь ломающую сопротивление Фрола живительной влаге. Тяга была настолько неуловимой, настолько прозрачной, но в то же время такой мощной, что Петька ни разу не смог от нее решительно отмахнуться. А самое интересное, что ему почти никогда не удавалось засечь тот момент, когда он начинал пить. обстоятельно размышляя и после однодневных загулов, и после многонедельных запоев, Фрол складывал, делил, вычитал и умножал события перед пьянкой, но никак не мог понять, что же такое с ним произошло! Почему же он, искренне поклявшись, и не только самому себе, полностью или хотя бы на время отказаться от спиртного, снова развязал?! В какие роковые секунды мозговой активности, эта дурацкая мысль тяпнуть рюмашку вдруг появилась в его абсолютно трезвой голове?!

И ведь ничего не предшествовало этому! Блин, ну не было никакого обстоятельного повода! Деньги полностью отсутствовали, и из-за этого становилось немного грустно и чуть-чуть тоскливо – скучал Фрол в такие моменты. Он вспоминал, что его рабочая колода, вытщенная темным вечерком у залетного художника-авангардиста, совсем состарилась. Она теперь так разлохмачена, что все масти кажутся одного цвета, а значение цифр можно разглядеть только в лупу, поэтому найти идиота, который согласится играть за наличку в такие занюханые картишки, будет очень большой проблемой. Да и в случае удачи Фролу не хотелось особо вредничать с несчастным клиентом без азартного настроения и удовольствия. . . Хитрая клофелинщица тетя Клаша лежала в дурке, закосив под идиотку, и пока без надежды на возвращение, так что и тут не было смысла кооперироваться с соседом авоськами стеклотары, чтобы попытаться с этими копейками раскрутить другую барыжницу на начальный пузырек первача. Жена Маша молчала (ее терпению можно было позавидовать), медленно скользила на цыпочках по квартире и старалась не бесить Фрола, вспоминая о его предыдущем запое и потирая синяки на туловище. Веселья по поводу каких-либо общегосударственных праздников не намечалось. Приятели-собутельники, напарники-жулики, да и все те же бродяги местные не заглядывали на огонек, привычно захватив с собой и спрятав от Машкиных глаз парутройку баклажек крепленого пива. . .

Тогда Петяня окончательно смирился и успокаивался. Он неистово крестился на фотку «Теща в горах», прикрепленную к трюмо, и, поклявшись супруге в соблюдении ее требований, действительно в который раз милостиво допускался ею до хаты для отдыха после многонедельного отсутствия на горизонте, после своих мучительных холодных ночевок в подвале соседнего дома или длительного скитания в летнее время по скверам и паркам. Петька смешливо восклицал, что у него наступил период лайтового безделья. Он тупо валялся на стареньком пружинном диване, поддавшись приступу патологической лени, глубокомысленно созерцал загорелых моделей по кабельному телевидению и изредка заглядывал в прошлогодний «Плейбой» для сравнения. Вздорные, агрессивные людишки, преследовавшие Фрола в его кошмарных видениях и дающие ему виртуальные затрещины, куда-то исчезали, поэтому наконец-то можно было тихо, без ущерба для своей психики презирать и весь мир, и отдельные общественные принципы. Даже глупейшая, абсолютно никчемная реклама полностью переставала его раздражать!

Казалось, что все хорошо, что жизнь течет своим чередом, в принципе грубо не напрягая, да и не расстраивая особо, но тем не менее Фрол срывался в загул. В один момент. Как будто бы

в мозгах что-то щелкало и душа ни с того ни с сего начинала «просить жизни...». Причем каждый раз, нервно шаря по карманам в надежде найти хоть копейку мелочи или вожаденно рассматривая в ванной комнате специальные растворы для роста волос и импортные мозольные жидкости, Фрол действительно не понимал, отчего это ему вдруг захотелось напиться. Ну что за бесовщина такая?! Ведь знал же он твердо, что, когда алкоголь начнет действовать на мозги, наступит конец его здравому смыслу. Мало того, не менее твердо знал Петька, что с очередной рюмкой он постепенно будет забывать свои неизбежные страдания в последующем похмельном бреде. Ага, знать-то он знал, но... Черт возьми, вдруг происходило затмение! Прямо как будто бы кто-то брал и внаглую отрезал приличный кусок памяти. Вырывал его с корнем! Да-да, шутки шутками, но именно так всегда и случалось... И после Петька уже не помнил, что вскоре он обязательно нажрется и супруга опять выгонит его из дому. Не помнил, что для дальнейшей «поправки здоровья» ему нужно будет взять старую колоду карт уставшими руками, но он не сможет этого сделать. Также Петька не помнил и о своем несчастном голосе, жалобно выклянчивающем утром хоть глоток спирта и раздающемся как будто из преисподней. Он не помнил и свое, похожее на морду побитой собаки, виноватое выражение лица, которое гримасничало в щербатом зеркале возле туалета. Ему очень тяжело было вспоминать негодование соседей по дому, которым на их вопрос «доколе?» Фрол всегда клялся и божился на «век воли не видать», что вообще-то он умный, интеллигентный мужчина, что завязать бухать для него раз плюнуть и что в гробу он видел все эти пьянки...

Дырявая память, безответственность, неуважение. Слова все... Тут было что-то другое. Ну не получалось у него начать как бы от скуки и тут же закончить, но уже на радостях. Также не получалось и просто «после вчерашнего» быстренько похмелиться, сразу остановиться и не пить дальше, как это бывало у него в ранней молодости. Да что там в молодости! Фрол видел, что так и по сей день делают его застольные товарищи – соседи по дому, даче или те же самые дворовые бродяги, с которыми он тяжким ненастным утречком приговаривал пару баллонов пивка, усилив их тремя глотками более крепкой жидкости. Почти всегда выходило так, что после этих спонтанных встреч собутыльники расходились по домам или «территориям собирательства» и занимались своими делами, но только не Петька!

Обычно, приняв на грудь всего соточку водочки (это называлось у него «слегка поправить здоровье»), Фрол тут же начинал лихорадочно соображать, где бы поскорее взять еще вмазать, чтобы убиться до поросычьего визга. Это странное желание догнаться Петька обзывал словом «нёдопил», с нарочно, по-модному, ударением на первом слоге. И самое главное, желание было настолько сильным и неподдающимся Петькиному контролю, что знающие люди, уже сталкивавшиеся с ним в похожих ситуациях, просто не могли отговорить его от очередной рюмки или хотя бы отобрать некий сосуд со спиртным, в конце концов добытый им, потому что Фрол совершенно не воспринимал в такие моменты окружающих. Он практически терял лицо, рьяно огрызался и бузил, но все равно добивался своего. Даже на мирных домашних посиделках, происходивших регулярно в кругу родственников жены или друзей семьи, на которые Петьку приводили чисто вымытого и почти под арестом, он умудрялся отличиться неадекватным, грубым поведением.

Казалось бы, ничего особенного, нужно просто пригубить винца да произвести на всех приятное впечатление, быстро схватывая суть разговора и умело владея ножом и вилкой (старая школа). Но ему становилось неизмеримо скучно беседовать на обычные, грустные бытовые темы, находясь в состоянии ни в одном глазу и глупо хлопая ресницами – ну не мог он ни с кем общаться трезвым! И вот тогда Фрол втихую воровал бутылку водочки, а еще лучше – коньячку, чтобы, сидя за общим столом, показать всем, какой он хороший, мило улыбаясь довольной рожей и совершенно не желая до поры до времени раздражать любимую женушку. Ну а уж на кухне, где обычно располагался импровизированный тайник, добивал себя полностью, выжрав спиртное прямо из горла и без закуси. В итоге в комнату, где веселились гости,

он входил счастливым на полусогнутых ногах и приставал к присутствующим с какими-то глупыми идеями и советами. Иногда Петька падал на кушетку, неловко зацепившись ватной конечностью за стол, затем вдруг вскакивал и, громко топая, мчался блевать в ванную, сдерживая на бегу рвотные позывы. Потом, запинаясь и лепеча, виновато объяснял жене, что выпил-то он совсем чуть-чуть, ну не больше полтинника, ну, может, грамм сто там было... Что-де развезло его оттого, что закусывал он мало, что, мол, больше так не будет, что, дескать, еще пятьдесят – и домой. Жена, понятно, делала вид, что не заметила кражи и искренне верит этим сказкам, что понимает его тонкую поэтичную натуру, позабыла прошлые обиды и, уверяя, что не бросит Петьку никогда в жизни, уводила домой, чтобы уж окончательно не осрамиться перед всеми, причесав мужа общей расческой и грустно попрощавшись...

Легкий толчок в бок вернул Фрола к действительности.

– Читай вот здесь, – толстая тетка протягивала ему большой лист бумаги, с обеих сторон отпечатанный зеленым шрифтом. Шерстяное платье в оранжевый горошек придавало ей довольно комичный вид, но Петьке сейчас было не до эстетики. Он попытался оглядеться, но та, нетерпеливо кусая губу, настырно тыкала кривым пальцем в страницу.

– Вот же, вот! Видишь цифру 2? Ну и начинай читать с этой строчки! Неужели слепой совсем? – женщина с сомнением покачала головой и неприятно зашмыгала носом.

– Пришли к убеждению, что... – забубнил Петяня. Он еще не очнулся от воспоминаний, и непонятный текст расплывался перед глазами. Кто-то надсадно засопел сбоку, отвлекая еще больше. – ...Помочь вернуть нам здравомыслие, – с трудом закончив предложение, Фрол поднял глаза, недоумевая, куда же теперь отправить эту филькину грамоту, и сделал попытку вернуть ее обратно, но помощь пришла с другой стороны, откуда глухо зашипели:

– Дальше по столу передавай!..

Петька наугад протянул лист какому-то седому типу. Тот оскалился, взял текст и продолжил чтение.

Фрол сидел ни жив ни мертв. Ему казалось, что все на него смотрят и осуждают за тупость и неловкость. Он чувствовал себя маленьким червячком, которого приготовили к насадке на крючок, предварительно разорвав на части и плюнув в рожу. Петяня в первый раз за очень много лет смутился в такой обычной житейской ситуации. Фрол представил себе, что, если бы ему предложили в незнакомой пьяной компании передать стакан с водкой или прочесть надпись на бутылочной этикетке, а сам он был бы уже немного поддатый или обкуренный, таких комплексов не возникло бы. Мало того, в тех делах, где затрагивалось его самолюбие и приходилось резко и грубо защищать себя и свои интересы, Фрол вообще был дока и сразу бил, если не по морде, то хоть в печень. Но сейчас, находясь в кругу абсолютно трезвых людей, которые почему-то называли себя алкоголиками, занимались каким-то идиотизмом и строили ну очень уж умные рожи, Петька прекрасно понимал, что этим ребятам совсем не трудно заставить и его повторять то же самое.

Утихомирив отчаянно колотящееся сердце, Фрол медленно и с опаской снова обвел взглядом все помещение. Зал потихоньку заполнялся народом. Очередным гостем зашел мужик в черной кожаной куртке, с портфелем в руках. На носу сидели шикарные очки с дорожными стеклами «хамелеон», на пальце красовался перстень с красным камнем, доносился легкий аромат французского парфюма. Мягко ступая, мужчина торопливо пересек зал и устроился в отдалении. Ну а уж этот-то посетитель был вообще круче всех остальных!

«Ну вот, еще один приперся! Ну-ка, ну-ка! Ага! Одеколонец-то „Сен-Лоран“! Париж! Ну, ясен перец, такой brutальный мэн – куда там! – накручивал себя Фрол, теперь уже принципиально не замечая стука в груди. – Что для вас – „Тройной“! Не тот статус, сударь! Шас посмотрим, что ты здесь потерял! Наверное, пришел проведать кого-то? Хм... А может быть, директор всего этого – вон как держишься! Небось, проезжал мимо, решил зайти, посмотреть, что почем...» Зависть и раздражение полностью задавили чувство страха, и теперь Фрол уже

не мог отвести вызывающий взгляд. Этот мужик вполне мог попасть к нему в лапы. «Таких даже бить не надо – сами все отдадут!» – приговаривал он в былые времена, очищая карман жертвы пьяной любви к местной шалаве или смывая остатки клофелина в граненом стакане. Петька презирал этих богачей, практически ненавидел. Наглухо упакованные мама и папа, престижная школа, достойный вуз. «Им несть числа, сквозят из всех щелей!..» – пела в свое время очаровательная Мери Поппинс... Подросши и отправившись по жизни в ту сторону, которую определили им родители, а может, и бабушка с дедушкой, эти приспешники капитала становились с каждым днем все богаче и могущественнее. К ним изначально пришел материальный достаток, они не заработали его честным и упорным трудом.

«Погоди-ка! – мозги Петьки трудились на износ, тупо размышляя обо всем сразу. – Я, вообще-то, где? Вроде Анька сказала, что тут соберутся только алкоголики и, может быть, наркоманы, которые решили измениться сами и поменять свое мировоззрение? Хм... Измениться? Ага! Ну, если дело только во внешнем виде!»

Фрол незаметно косил глаза и оглядел себя. Старенькая куртка, стоптанные коцы, мятые брюки, давно не стиранная рубашка... Эту одежду он носил уже довольно долго, не имея возможности что-нибудь, кроме трусов, поменять в свой ежемесячный банный день у супруги. Ну отсутствовали у него приличные вещи для нормальных прогулок по улице. Конечно, по требованию Кукуши Фрол попытался пошарить по шкафам и антресолям в поисках хоть чего-нибудь чистого на выход, да так ничего и не нашел... В общем, на сегодняшний день его быт был разрушен почти полностью, видок не выдерживал никакой критики, а небритая рожа вызывала

опасение у окружающих, но тем не менее Петька не унимался: «Оно понятно, надеть красивые шмотки может любой, приукрасить себя разными цацками по силам каждому. Только с чего им под алкашей косить? Зачем? В чем тут смысл? Блин, любопытно... Ладно, потом определюсь! Так все-таки что это за тип пришел такой подозрительный? Какого хрена ему тут надо? А может, за взносами заехал? Точно! Наверное, это начальник или бухгалтер. Там, где крутится водочка или какие другие спиртные напитки, денежки должны течь толстым ручейком. Ведь сразу видно, что финансы у него немаленькие, а значит, у этих людей тоже есть, и достаточно, иначе зачем ему работать тут?! Не! Скорее всего, это даже не начальник, не директор, а главарь!»

Такие поспешные выводы Петька делал навскидку, потому что он так и не понял до сих пор, куда попал...

Сегодня утром, специально для этого заскочив к нему в гости, местная девка-героинщица Анька Кукуша, подруга падчерицы Вики, предложила Фролу немного развеяться и сходить на сборы настоящих алкоголиков, чтобы посмотреть на них на трезвых, послушать о новом чудесном способе избавления от зависимости и хоть раз в жизни попробовать по-настоящему завязать с пьянками. Что за сборы, почему сборы и зачем они нормальным людям, к коим Петька причислял себя по определению, Кукуша толком не объяснила, и Фрол поначалу серьезно заартачился. Все свои сорок с небольшим он искренне был уверен, что обычные-то алкоголики валяются в канаве, подолгу не моются, не стригут волосы и годами живут в подъездах, а совсем уж настоящая алкашня – так те вообще конченные люди. Фрол открыто их презирал и считал, что с ними и просто потолковать-то не о чем – не то что на сборищах сидеть! А уж про совсем завязавших он тем более слушать ничего не хотел. Откуда им взяться-то? Ведь помнил Петька, что сам-то он, неоднократно спотыкаясь о пороги равнодушия и беспомощности в наркологических кабинетах, изредка подставляя шкуру своей задницы для вшивки туда новой волшебной таблетки и периодически загибаясь после «белого» бреда в городских больничных отделениях, так и не смог осознать сладкий вкус трезвости. Ни разу не вышло... Зато, бывало, частенько утопал он в море финансовых манипуляций множества различных аферистов от медицины. Случалось, что жена с родственниками, попав под влияние их хитрых, проникновенных голосов, оплачивали недешевые квитанции, покупали «эффективнейшие» лекарства и заставляли Фрола беспрекословно выполнять довольно сомнительные предписания «мировых светил», но всегда безрезультатно: Петяня продолжал бухать как сапожник, а может быть, даже еще сильнее...

Так что Петька, действительно прошедший хорошую школу мошенников и, соответственно, всегда размышляющий только в негативном формате в силу своей профессиональной испорченности, просто предположил, что, скорее всего, тут ему встретился какой-то очередной развод на бабки.

Достойных внимания денег у Фрола не присутствовало уже давно, квартиру жена переписала на себя еще десять лет назад, и развести его можно было лишь на окурочек от папиросы. Но поскольку последнюю неделю ему пришлось сидеть дома, не высовывать носа во двор, не пить – трезво хандрить, сокрушаясь о бессмысленности существования, да и лютая ненависть к миру окончательно разъела душу, то Фрол решил не отнекиваться от предложения Аньки очень уж долго. Он даже думать особо не стал, а просто, технично выторговав у нее пузырь качественной магазинной водки и смачно плюнув на всех алкоголиков и пьяниц вместе взятых, согласился пойти посмотреть на «чудо» из любопытства, ну и для последующей поправки нервов, конечно.

Аньку Кукушу он знал годков двенадцать. Говорили, что птичье прозвище прилипло к ней довольно давно, еще в детском саду, но и сейчас, став взрослой, она откликалась на это имя и не обижалась. Девушка жила по соседству, и Фрол наблюдал, что до поры до времени она была очень хорошей, прямо белой и пушистой: училась на отлично, помогала маме по дому,

занималась в кружке вышивания и посещала спортивную секцию. Трехлетняя разница в возрасте с его падчерицей Викой никого не настораживала, поэтому препятствий для их совместного времяпрепровождения не находилось. Глупые-то разговоры, конечно, Кукушу не обошли стороной, ведь известно же: чем лучше человек ведет себя снаружи, тем темнее у него душа. Трепались, что у Аньки блатные связи, что пошла она в отца, международного взяточника, и ее якобы пытаются подготовить за большие деньги к золотой школьной медали. Но потом выяснилось, что что-то там не срослось, кто-то от богатой подачи отказался и девушку выпустили с обычным средним аттестатом.

Фрола она немного побаивалась за его уголовное прошлое, но не так чтобы... Просто, если Кукуша заходила в гости к падчерице, а в квартире находился поддатый дядя Петя, то она предпочитала обращаться к нему без всякого излишнего там подбострастия, но с неким поддельным чувством уважения. Как бы игра у нее такая была. Нравилось ей, что ли... Ведь если не получится и пьяный Фрол ощутит шкуркой это доброе в кавычках отношение к себе, он возьмет и тут же выставит Аньку за дверь своего дома, ссылаясь на то, что у него нет сил терпеть ее громкое щебетание в соседней комнате. Властным хотел он казаться в подпитии, гордым... Само собой, умная Кукуша всегда повиновалась, наверное, получая какое-то эмоциональное удовольствие от вынужденного подчинения, но никогда не принимала эти его выпады совсем уж близко к сердцу.

Общались две подружки очень даже культурно, особо не напрягая ни родителей, ни общественность, по будним дням встречаясь после университетских лекций Кукуши и отправляясь к Фролу домой, а на выходные – уезжая в Анькину пятикомнатную квартиру. Заскучавший в одиночестве Петька, отлежавшись после очередной пьянки, снабжал девчонок футлярами от ворованных сотовых телефонов, недорогими колечками и перстеньками, которые он подобрал на блатхатах в прошлые гулянки местных пролетариев. Этим безделушкам Анька с Викторией радовались так искренне, так восхищала их история появления боевых трофеев, что Петька иногда даже специально приукрашивал свои жульнические приключения, немного искажая факты и добавляя в финал страшные подробности... По большим праздникам Фрол приносил домой кучи ненадеванной импортной верхней и нижней одежды с двумя-тремя парами изящных итальянских туфель, появившихся у него в результате примитивных и банальных разводов богатеньких российских путешественников и предпринимателей.

Хоть и легко ему было это делать с помощью картежных способностей, а иногда и капельки клофелина, но никогда не понимал он до конца этих ребят от бизнеса. Ну не укладывалось у него в голове, да и вообще, наверное, это было только одному Богу известно, как можно повестись на такой примитивный концерт и сесть с ним, посторонним человеком неопрятного внешнего вида, играть или выпивать! Но факт оставался фактом: торгаши облапошены, супруга и падчерица с подружкой одарены, мелочь роздана бродягам или пропита собственноручно, а более дорогие товары и золотые ценности – припрятаны. Они скромно примостились в подвале его дома между трубами и терпеливо ждали очередного длительного запоя, поскольку Фрол после больших дел предпочитал залечь на отходняк. Конечно, можно было бы прямо сразу реализовать все за наличку через знакомых барыг, но такое деяние представлялось совершенно бессмысленным с точки зрения грядущего сухого периода, или ленился он мотаться по району туда-сюда, светясь наглой мордой и рискуя вновь попасть на заметку ментов... А может, подольше отдохнуть хотелось от пьянки или страшно уже иногда становилось...

Взамен Кукуша подогревала Петьку заграничными сигаретами, суперредкими винами и китайскими настойками, позволявшими ему не задумываться о мужской силе в ближайшем и дальнейшем будущем. Эти раритеты были украдены из сейфа любимого Анькиного папы – на самом деле известного академика, мотавшегося по командировкам в страны Европы так же просто, как другие люди ходят в соседний гастроном.

Продолжались такие отношения довольно долго. Падчерица давно ускакала жить в съемную квартиру, как бы давая понять предкам, что умнеет и богатеет с каждой секундой своего развития, ведь она уже целый год училась в том же университете, где и Кукуша грызла серый мрамор: ее амбиции и интеллект прямо перли через край. Но как-то раз Вика пришла домой к матери вся в слезах и, судорожно хватая ртом воздух, сообщила, что Аньку отвезли в «Склиф» в коматозном состоянии от передозировки наркотиков. Маша, всплеснув руками и схватившись за голову, начала интересоваться, где же бедняжку так угораздило, причитать, что типа совсем все с ума посходили! Утверждать, что кругом разврат и пьянство, а водку и другие гадости купить уже не составляет труда! Всхлипывать, что проституция – это вообще детский аттракцион, и некуда детишкам убежать от соблазнов! «Почему страна катится в преисподнюю? И что же будет теперь со всеми нами?» – слезливо вопрошала она.

Фрол тогда долго размышлял, кого же имела в виду его жена под словом «нами», но задать уточняющий вопрос женщине в истерике так и не решился. В общем, шухер стоял до вечера. На основании этих новостей падчерица сразу же была допрошена с пристрастием и честно призналась, что уже более пяти лет в курсе Анькиного увлечения, но сама – ни-ни. Мать не особо поверила ее клятвам и на всякий случай осмотрела дочку с головы до пят на предмет следов от уколов, а дамскую сумочку обшмонала с ловкостью пупкаря Бутырской тюрьмы так искусно, так основательно, что даже бывалый Петька восхитился сообразительностью супруги, сантиметр за сантиметром обшаривавшей самые недоступные уголки... В итоге всех этих движений, не найдя ничего предосудительного, Вика загнула в ванную – успокаивать нервы и очищать сердце от обиды на мать, а Петяня, моментально сообразив, что удача сама плывет в руки и его пьяные приключения напрямую зависят от ошибок посторонних наркоманов, под шумок мудро сослался на сильнейшую головную боль и, выпросив у любимой женушки денег на пиво, всю ночь где-то шлялся и пришел под утро в бессознательном состоянии...

Когда Аньку выписали из наркологической клиники, она долго не общалась со знакомыми, не гуляла с подругами, да и на лекциях сидела на последнем ряду – как бы выпала из жизни. Многие были в недоумении, ведь никто не знал, что случилось. Добрые соседи даже поговаривали о неразделенной любви к неизвестному солдатику срочной службы, ну а вздорные соглядатаи, само собой, предполагали незапланированную беременность или тяжелое психическое заболевание. Но по большому счету абсолютно все вспоминали девушку и ее родителей добрым словом. Потом Кукуша частенько стала исчезать совсем уж на длительное время, не появляясь ни в университете, ни дома, но Вика иногда делилась с матерью слухами от своих приятелей о ее новых приключениях и о странных изменениях в характере девушки. Ну а чуть позже Анька нарисовалась лично – румяная, восторженная – и принялась взахлеб рассказывать о том, что ходит по вечерам на чайные посиделки в какую-то организацию. Она твердила, что осознала свой прошлый путь как абсолютно неверный, что решила относиться к людям с любовью, что будет теперь надеяться лишь на счастливое будущее, да и уверяла, что не колетса и не курит уже почти год...

Жена потом много раз выносила Петьке мозги, напирая на то, что свинья он неблагодарная, что даже наркоманы уже одумались и завязали со всей этой гадостью, а он, паразит, так и сдохнет, валяясь в блевотине и обнимая пузырь самогона. Петяня Машу слушал как обычно: пьяно ухмыляясь и гордо напоминая супруге, что не последний день живет, что успеет еще и пить бросить, и настрадаться от трезвости. Громко хвастался, что скоро обязательно завяжет, напирал на твердость своего слова и особо не внял ни укорам супруги, ни рассказу девушки. Он тогда просто посчитал Кукушин лепет постнаркотическим бредом, очередной идиотской выдумкой и стремлением показаться хорошей. Петька искренне пожалел Аньку и втайне понадеялся, что раз медицина постепенно движется вперед, то когда-нибудь, может быть, и ей все-таки помогут...

Но, возникнув вдруг сегодня на пороге, она убежденно, с очень умным лицом стала объяснять Фролу, что у него большие проблемы умственного и физиологического характера в плане всего, что связано с водкой и с другими содержащими алкоголь жидкостями. И что, как бы ни пытался дядя Петя покончить с такой противной привычкой, как бы ни старался ограничивать себя в количестве выпитого, опираясь при этом только на свою силу воли и на свое огромное желание, куда бы ему ни пришлось обратиться за помощью, никогда у него не получится бросить бухать, ну хоть ты тресни! Услышав этот факт, Фрол сначала очень удивился, затем громко рассмеялся, а потом и рассердился. Спорить с девушкой он даже для приличия не стал, а сразу авторитетно поставил под сомнение ее вздорное утверждение ну хотя бы насчет этого самого количества, тут же предложив проверить оное определенной емкостью. Но Анька не повелась на слабо, не клюнула на манипуляции. Она упрямо стояла на своем, приводила в пример и личные наблюдения, и рассказы Вики о его многочисленных неудачных попытках остепениться... Припомнила жалкий Петькин лепет перед тетей Машей в момент «стопроцентных и грандиозных» клятвенных обещаний, его ночные походы в магазин за контрольным пузырьком при еще остающейся водке и максимально понятно старалась донести какую-то идиотскую мысль, что на самом-то деле проблема пьянства дяди Пети лежит в нем самом, лежит очень глубоко, но... Видите ли, в этом сможет разобраться только он и никто другой, хотя, возможно, и с ее первоначальной помощью. Поэтому, чтобы окончательно добить Фрола, Кукуша предложила ему следующее: Петька, если он действительно думает бросить пить, должен был сегодня беспрекословно выполнять ее требования, слушаться, а взамен Анька обещалась показать ему место, где собираются такие же, как он, граждане, – обаялась отвезти его туда и обратно на такси, да сделать потом еще и приятный подарок.

Завязать бухать Фрол хотел давно и почти по-честному, но всегда смутно понимал, что почему-то не получается у него. Или уже не верил Петька особо ни во что и боялся изменить что-то. А может, и смеялся Фрол в глубине души над своим бессилием в этом плане, отчаялся, что ли... Но самое главное, что все-таки окончательно зацепило Петьку, что помогло ему преодолеть неуверенность и куда-то отправиться, конечно, был приятный подарок, ведь Кукуша поклялась корнями волос купить ему по возвращении хорошей водки и доброй закуски...

И вот теперь Фрол не понимал, на фига он поддался на уговоры и приперся сюда, поскольку сидел сейчас не на родной хате и даже не в любимом дворе с бродягами, а в кругу очень сомнительных личностей, которые на алкоголиков ну совсем уж никак не походили. Их с большим трудом можно было бы выдать за обычную городскую пьянь, обманом напоив до посинения, наставив фиолетовых бланшев плюс приодев соответственно, но в том-то и дело, что они почему-то сами себя так называли, хотя прекрасно знали, что обмануть кого-либо будет очень сложно. Да потому что тех, настоящих, видно и слышно издалека. Скорее всего, эти люди изредка принимали внутрь дорогие вина с портвейном, а может быть, даже чего покрепче или подешевле, да и почаще остальных, но не более того.

Правда, Кукуша попросила Петьку ничему не удивляться и ни с кем не пререкаться, загадочно поведав тихим шепотом в момент высадки из машины, что новый способ избавления от разных дьявольских пристрастий и быстрой завязки в корне отличается от всех более или менее известных решений похожих проблем и что к текущему моменту он осчастливил уже многих. Это все было, конечно, очень интересно и занимательно, к тому же Петька еще дома пообещал слушаться и никому не хамить, но чтобы вот так, совсем не являясь настоящими алкоголиками, теми самыми грязными отбросами общества, которым уже ничего не поможет, внаглую идти напролом и называть себя ими, это уж вообще ни в какие ворота не лезло... Ну а уж идея о некоем бесплатном сыре, про который Кукуша зудела почти всю дорогу, намекая на какие-то другие ценности в этом мире, вообще разрушала Петькины представления о правильном существовании. Зло стрельнув глазами в сторону Кукуши, Фрол решил, что хрен

с ним, ведь водку и такси домой он уже заработал по определению, жрачка – дело свинячье, ну а разобраться с девкой теперь он всегда успеет, подсадив ту на чувство вины и выпросив у нее денег «на жизнь».

Возле окна какая-то скромная старушка в голубой кофточке что-то тихо вещала, и Петька, забыв про Аньку и дополнительные финансовые вливания за беспокойство, прислушался:

– ...И я чувствую, что на меня сошла благодать, что меня уже не волнуют никакие жизненные проблемы, что мне абсолютно все равно, что обо мне думают!

Еще одна женщина чуть в стороне от Петьки мерно покачивалась из стороны в сторону, немного подвывая, подняв тонкий подбородок и закрыв глаза. На ее лице блуждала загадочная улыбка.

«Может быть, я нахожусь в филиале дурдома? В некоей расконвоированной городской психушке, где установлен щадящий режим и свобода передвижения? – пропустив начало истории, Фрол пытался вникнуть в ее суть с высоты своих саркастических подозрений. – А бабуся, наверное, рассказывает о том, как ее пробил на космос либо герыч, либо кокс. Ну да, видно же, что бабка-то трезвая, но глазки так и блестят, так и бегают! Хм... Или таблеточки красивенькие?! Ну конечно! Какой уж там герыч! Не стоит говорить о благородных, ведь не совладать ей в таком возрасте даже с легкой опийной черняжкой из Средней Азии! Небось приняла пригоршню простых успокоительных или шняги накурилась и сейчас находится в глубоком трансе! Интересно, кто же будет отвечать за последствия, если эта старушенция, дойдя до полного экстаза, начнет показывать стриптиз, а потом приставать к нормальным людям?»

Петька покосился налево и направо, но, не найдя никого, кто хоть немного соответствовал бы его определению нормальности, слегка обеспокоился за себя, поскольку были на то основания. Приходилось ему встречаться с похожими «тихонями» и «скромнягами».

Лет восемь назад в каком-то темном скверике, спрятавшись за толстый ствол дерева, Петька наблюдал аналогичную ситуацию, когда молоденькая девушка, понравившаяся ему сначала и не представлявшая собой никакой опасности, оказалась обычной колесницей, которая обглоталась на кумаре димедрола. Сперва она спокойно прогуливалась по тропинке, собирала осенние листики, а потом вдруг отчего-то возомнила себя развратной куртизанкой и стала помогать двух пацанов-качков, в сексуальных порывах разрывая на себе одежду и приглашая их разделить с ней веселье. Сообразив, в чем дело, и поняв, что крышу там снесло наглухо,

ребята попытались успокоить бедняжку и быстренько повалили ее на землю, надеясь на свою силу. Но, к сожалению, черепицы сдвинулись еще больше, состояние «измены» почти полностью проникло в воспаленный мозг девушки, и она так просто им не далась: отчаянно кусалась, сопротивлялась, выписывала красочные словесные кренделя, извивалась всем телом и дрыгала ногами, не позволив примотать себя скотчем к забору, зато безжалостно расцарапав в кровь прыщавые рожи альтруистов...

Фрол хмыкнул, неприязненно пожал плечами и отвернулся. В принципе ничего нового он не ожидал ни услышать, ни увидеть. Уж ему-то рассказывать, кто такие настоящие алкоголики или наркоманы, где они обитают и чем питаются, нет смысла. А картина полного их избавления от дурацкой привычки вообще никогда не складывалась у него в голове! Ведь Петька уже давно считал, что невозможно достойно завязать даже на короткий срок, а тут ему Кукуша начала втирать, что может получиться навсегда, да еще и без каких-либо финансовых вложений!

Он задумался и презрительно растянул губы. Ведь не впервой же с ним такое! Какая чушь! Сколько раз в его жизни появлялись «добрые данайцы» в лице друзей, родственников и врачей, которые ну прям как с цепи сорвались и буквально выносили Петьке мозги по поводу его пьянства. Они напирала на то, что он слаболовен, что обнаглел совсем, что не любит он их и не уважает, раз готов попать все доброе к нему отношение ради одной несчастной рюмки водки или упаковки снотворного... Приглашали посетить очередного международного шамана «из великих народных целителей», но почему-то принимавшего в крохотном, арендованном у овощного магазина кабинете, или протягивали талончик к «выдающемуся профессору» из Австралии.

Обычно Фрол морщился и кривил рот, давая понять, что все просто достали его. Заколебали окончательно... Петька довольно грубо отвечал ругательствами и хамством, пытался умалить свое мерзкое запойное поведение, особо напирая на то, что и сам неоднократно бросал это грязное дело, что стоптал не одни ботинки, износил не одну рубаху, шляясь по сомнительным организациям и клиникам, но, видимо, слаб он перед таким пристрастием, и никто ему помочь уже не сможет. Ну и значит, не судьба ему прекратить бухать. В общем, после таких высокоэмоциональных выяснений отношений Петька в гневе сматывался на улицу, напрягался у немногих знакомых в плане финансов, обязательно находил их и с горя упивался аптечными дешевыми настойками вперемешку с разными жидкостями на спирту, махнув рукой на себя и на свои проблемы...

Вот так и продолжалась бы жизнь своим чередом, а Петька бытовал бы по-прежнему, периодически нажираясь до посинения, почти всегда болея головой по утрам, изредка попадая в специальные клиники и слезливо каясь после выписки перед супругой и соседями... Он продолжал бы в обиде за неудавшуюся жизнь и с крайней степенью недоверия к окружающим на долгие месяцы уходить из дому, гордо держа в руках табличку, и с неким мазохистским удовольствием предаваться этому спокойному, размеренному бегству от самого себя... Петька красовался бы перед приятелями, заставлял бы их восхищаться собой, своей иллюзорной независимостью, но пробуждался бы от малейшего шороха во время нервного, голодного сна в подъездах. Он по-прежнему не видел бы просвета в алкогольном тоннеле, если бы не вспоминал изредка Аньку, сравнивая ее прежнее грустное существование и теперешнее поведение. Потому что именно с ней-то как раз у него действительно ничего не складывалось! Ну не получался у Фрола результат, известный всем и всюду из начал таблицы умножения. Два на два не равнялось четырем, ну никак! Он всегда считал, что Аньке уже не на что надеяться в этом мире...

Получилось так, что Петька знал ее еще и с той стороны, с которой для всех остальных висела огромная-преогромная темная занавеска. Ситуация с Кукушей до того момента, когда она пропала из виду на некоторое время, была хоть и крайне печальной, но настолько ясной для Петьки, так определенно и так неизбежно она вела девушку на постоянное жительство

ство в закрытый для нормальных людей домик с красным крестом на флаге, куда в ближайшем будущем, видимо, готовилось и его собственное путешествие, что Петяня просто не мог понять, что же такое произошло с конченной малолеткой всего-навсего после того, как она завязала с наркотой?! Почему Кукуша так изменилась в лучшую сторону?! Как так случилось, что она уже второй год не колется героином, не пыхает марихуану и не заглывает горстями разноцветные таблетки, но не бесится от бессильной зависти и злости, узрев старых приятелей, обкуренных до выпученных глаз, а спокойно улыбается и машет им рукой? Да и выглядит при этом настолько счастливой, что даже завидно становится! И почему же теперь Анька так хочет показать ему, где ее научили правильно жить и радоваться этой самой бестолковой жизни и, главное, какой ей самой с этого будет толк? Ну не понимал он Кукушу, хоть застрелись! Или испугался он тех ее изменений...

Петька, например, никому не помогал без корыстных целей, всегда жалел себя в те времена, когда не бухал, с восхищением вспоминая сивушный привкус водки на языке и гнилой аромат портвейна. Он никогда не махал при встрече пьяным собутыльникам и обычно старался обходить стороной места их обитания, не желая растравлять себя созерцанием декораций любимого распивочного уголка. Ну а чтобы, будучи трезвым, искренне обрадоваться этим грязным свиньям, это уж совсем никуда не годилось.

Ведь помнил же Фрол, как очень давно, еще до печальной истории с реанимацией, симпатичная подружка падчерицы пришла к нему домой одна, будто бы разыскивая Вику. Серые глаза девушки умоляли помочь, губы пересохли, а дрожащие пальцы беспокойно теребили платок на шее. Вкратце объяснив ситуацию и получив разрешение Фрола, который, кстати, совершенно спокойно отнесся к сей невероятной новости, Анька достала два чека с герычем, маленькую лабораторную горелку, разложила на прикроватной тумбочке нехитрый медицинский скарб и начала разводить раствор для вмазки. Немного смущаясь, она предложила наркотик Петьке, но тот великодушно отказался, а чтобы не сидеть со скучным видом и не маячить перед нежной Анькой своей трезвой рожей, он распотрошил в знак солидарности соседскую заначку с этиловым спиртом, находившуюся в электрощитке. В процессе приготовления варева Петька из угла комнаты наблюдал сквозь стакан за действиями девушки, мягко их корректируя. Ведь Фрол искренне переживал за Аньку, потому что та находилась в глубоком трансе, плохо соображала и не помнила пропорции зелья. К тому же она постоянно облизывала губы, а это сильно его возбуждало...

Фрол был пацаном старой закалки. В свое время он немного баловался амфетаминами и тяжелыми наркотиками, так что с огромным удовольствием помог Кукуше подержать перетяжку и оттянул контроль.

Тот вечер они красиво провели вместе, ни разу не взглянув на часы – Фрол бухал, а Анька вмазывалась. Да и ночь пролетела незаметно, ведь никто не помешал пьяному Петьке и обдолбанной Аньке еще и вдоволь наиграться в любовь в разных местах квартиры, в непонятных позах и не обращая внимания на огромную разницу в возрасте, жена-то с Викой накануне уехали на дачу, захватив с собой кошку Агашу и овчарку Джокера...

Конечно, переживал Петька очень из-за того случая, прям искренне жалел о похотливом поступке, опять обвиняя во всех несчастьях странную тягу к водке без какого-либо повода и совершенно непонятные выходки в состоянии алкогольного опьянения, когда стираются все грани между собственным поведением и общепринятыми нравственными нормами.

Впоследствии – а это происходило на протяжении пяти лет – Кукуша неоднократно пользовалась терзаниями Фрола, слегка шантажируя той историей, когда заглядывала к нему на хату в компании дружков-наркоманов, чтобы переложить краденые шмотки из дорожных баулов на антресоли в прихожей. И Петька всегда изумлялся Анькиному дару лицемерия. Он не только со страхом наблюдал за ее мерзким, беспринципным, часто жестким характером, который проявлялся в кругу сподвижников – взрослых уголовников, но и восхищался

ее человечностью и мягкостью в общении с ним и его падчерицей. Даже порой побаивался немного, терялся в собственных убеждениях, по себе-то давно определив, что нельзя быть и хорошим, и плохим одновременно, обязательно проколешься или накосячишь что-нибудь, пытаясь выдать желаемое за действительное...

Потому-то и засомневался Фрол в благородстве девушки, не проникся особо к ее словам – и свой жизненный опыт способствовал этому, и Кукуша была далеко не ангел. Так сказать, держал он ухо остро: поехал на эту сходку и корысти ради, и чтобы Аньку вывести на чистую воду. По себе знал, что жулики и проходимцы издревле отличались невероятными способностями втираться в доверие к гражданам, обычно играя на их слабостях и пристрастиях – мягко принуждая раскошелиться. В данной ситуации тоже получалась какая-то хрень: что-то как бы выходило из Петькиного привычного формата добра и зла. Ведь Анька-то хоть и казалась очень осторожной, дерзкой и далеко не глупой девкой, рано разобравшейся в гадостях человечества, но все равно могла ошибиться где-то или запутаться и являться орудием в чьих-то чужих руках, инструментом для наживы. Да и сама, кстати, способна была что-то затеять аморальное и пакостное. В общем, поди разбери... По крайней мере, Петька не понимал, откуда в душе Аньки могут теперь зародиться любовь и доброта, с чего бы ей так рьяно стремиться помочь ему в проблемах с алкоголем, учитывая, что в последнее время наркотических странствий девушка просто окончательно слетела с катушек. Ее мерзкие поступки достигли апогея безнравственности, и она совсем пошла вразнос от разгульного бытия, от огромного количества синтетических препаратов... Как ни крути, если какой-то период ты употребляла сильные контрабандные вещества вперемешку с их обычными лекарственными заменителями, а в тяжкие минуты безысходности убивалась водочкой из горлышка, то теперь сколько ни пей молока и киселя – другой ты никогда не станешь.

– ...Ущерб я возмещал постепенно, – гнусавил молодой парень возле окна. Черная рубашка и белый галстук ставили его в разряд уникумов. Он постоянно делал длинные паузы и прикладывался к чашке с чаем. Парень сильно нервничал, и его отрывистая речь выдавала это состояние. – Я заявился к ней домой, боясь, что меня спустят с лестницы! Я уходил и возвращался несколько раз, так и не решаясь нажать кнопку звонка! Мне было очень страшно, ведь я же никогда так не делал, да еще и без водки! – На его лице отражалась вся гамма переживаний той истории, казалось, он сейчас зарыдает. Но паренек широко улыбнулся и бодро произнес: – В общем, все кончилось хорошо! Все живы и здоровы!.. – И вдруг спешно добавил после очередной паузы: – Спасибо, ребята! Спасибо, что вы есть! Сегодня я трезвый, чистый и счастливый только благодаря вам!

Говорящий встал, обвел рукой зал и низко поклонился. Ему зааплодировали. Фрол окончательно перестал во что-либо врубаться, поскольку пропустил самое начало и этой истории, в который раз отвлекшись от персонажей и улетев в свои собственные мысли. По его мнению, трезвым можно остаться лишь в нескольких случаях. Например, когда денег на спиртное нету. Или облава ментовская в районе – из подвала на улицу носа не высунуть. Благодаря кому-то тоже можно, если увидишь какого-нибудь доходягу, на ладан дышащего, и отдашь ему последние тридцать капель. Хм... Но ведь трудновато быть при этом счастливым... Посмотрев украдкой в сторону Аньки, он догадался, что девушка находится в эмоциональном экстазе.

«О чем же они все тут толкуют? – нервно размышлял Фрол. – Какая-то благодать, какой-то ущерб, какие-то решения жизненных проблем! Когда пьянка-то начнется, если это алкоголь?! Или нет – они ж все в завязке находятся! Нда-а-а, полный идиотизм! Похоже, этим людям просто скучно по вечерам, вот они и собираются в теплых помещениях, чтобы поговорить о том о сем...»

Во! И как это я сразу не сообразил! Скорее всего, здесь обосновалась какая-то секта очевидцев чего-нибудь... Что ж, это для меня не ново. Сколько таких в России-то сейчас существует, их вертлявые представители так и снуют под ногами, так и шастают – смысл

жизни понять предлагают. А тем более в дерзкой Москве, в самом кидальном городе мира! И как же лихо тут все закручено под покровом благого дела: сначала они завербовали несчастную Аньку – молоденькую девчонку, ослабленную употреблением наркотиков, а она в свою очередь пытается привлечь меня – старого барбоса. Глупая, ведь я давно отнес в толчок то, что эти дурачки только собираются скушать! Погоди-ка, Анька хоть и конченная наркуша, но нельзя же так на своих-то, ну должно же остаться у нее хоть чуть-чуть человеческого! Значится, я думаю, что темное здесь место и нечего мне с кондачка очень резко рыпаться, нужно пока просто приглядеться и поспросить чего! Уж я-то нигде не лоханусь, да и свое никогда не упусти!“ – насильно в свои мозги Петька, все же обратив внимание на то, что никто никому не жужжал в уши, никто ни от кого ничего не требовал и никто никуда не убежал. Да и вообще, при более внимательном взгляде это сборище на обычную примитивную секту как-то не походило. Не было видно размалеванных идолов, никто не собирался начинать жертвоприношение, не дымились кальяны с ароматными травами, не суетились между собравшимися полуголые танцовщицы. „И еще мне не ясен один интересный момент, – саркастически недоумевал Фрол, потому что по своему собственному опыту знал, что все-таки никто ничего в этом мире не делает просто так. – Зачем же Аньке замстилось меня сюда тащить на такси, да еще и водочку пообещав? Ведь ей от этого ни тепло ни холодно, если не считать своего собственного поада на бабки и на пузырь! Ага! Получается, что теперь должна быть с моей стороны хоть какая-то финансовая отдача! Но финансовая ли? Она же вроде толковала про другие ценности, намекала, что если я захочу честно бросить пить, то здесь мне помогут, но не за деньги, а... Так когда же что-то произойдет конкретное, позволяющее мне проникнуться душой и сердцем к этим подозрительным господам? Когда же наконец начнут ласково втолковывать мне о вреде алкоголя, о губительной природе наркотиков, чтобы я растрогался, поняв это на старости лет, и искренне прослезился, узнав, какие же чудесные люди меня теперь окружают и какое счастье, что они решили меня спасти и научить, как завязать бухать? Да и кто расскажет мне о новом методе излечения? Ха! Эти аристократы, что ли? Тьфу, совсем Кукуша меня за идиота держит! Черт меня подери, если это специальная организованная ячейка по борьбе с пьянством, то значит, это дело законное. А раз законное, значит, все-таки должно быть платное. Ну тогда где же тот, кто подойдет ко мне и начнет любопытствовать, работаю ли я? Спрашивать, где я живу, какой величины моя квартира, и уточнять, сколько мне придется отдать денег из своего жалованья, чтобы находиться в этом помещении.

Блин, что-то я запутался окончательно... И вообще, где настоящие алкоголики? С ними хоть потолковать можно было бы о чем-нибудь! Или на худой конец уговорить пару человек развязать и выпить обещанную Анькой водочку классическую! Сколько мне еще тут одному сидеть и ждать?» В который раз вспомнив про тишину в родной квартире и подарочный пузырь, Петька немного приуныл, но вдруг, как будто услышав его мечтательные мольбы, кто-то постучался в плечо, и раздался нежный шепот:

– А ты новенький? Давай познакомимся! – худая красивая блондинка смотрела ему в глаза.

«Ну вот, началось! – обрадовался Фрол. – Наконец-то! Сейчас хоть что-нибудь прояснится!» Правда, во взгляде девушки он прочел не тот интерес, о котором размышлял последние несколько минут. Что-то искреннее и участливое светилось в ее лице, и это был какой-то новый, неведомый для него взгляд. Фрол вздрогнул от чужого прикосновения, и ему стало немного стыдно за свой внешний вид, за свою древнюю одежду...

– Угу, сегодня в первый раз пришел, – еле слышно ответил Петяня.

– Хочешь поболтать со мной после всего? – задав вопрос, девушка лукаво прищурилась.

– Д-да, – аромат ее духов вскружил Петьке голову. Во рту почему-то появился медный привкус, и Фрол судорожно сглотнул набежавшую слюну. – А о чем толковать-то будем?

– Разберемся! – ямочки на щеках дерзкой собеседницы увеличились. – Ты, главное, не дрейфь и не переживай! Наши люди тему всегда найдут! Мне сегодня скучно целый день, прямо почти тоскливо. Необходимо пообщаться с товарищами... В общем, считай, что я тебя застолбила! Конец заседания уже скоро!

Блондинка прикоснулась к его коленке, коротко провела по бедру ладошкой и улыбнулась так мягко и загадочно, что у Петьки поползли по спине мурашки, а уши запылали красным пожаром.

Фрол дотронулся языком до верхней губы, нащупал шероховатость кожи и вдруг понял, что без рюмки он абсолютно не умеет себя вести с красивыми и молоденькими девушками. Да что там с красивыми и молоденькими! Ему стало жутко от осознания одного только факта, что он вообще забыл, как это делается в трезвом виде с представительницами противоположного пола любого возраста и любой внешности. Петька немного помрачнел, потому что всегда считал себя умелым соблазнителем и ловеласом, и было очень неприятно убедиться в обратном. Ведь даже в самые кошмарные периоды своего бытия, употребив на всякий случай для расслабки и бесстрашия пару стопариков известной жидкости, он просто нагелл в присутствии женщин, обращался к ним на «ты», громко ругался матом и незамедлительно требовал добавки спиртного. Потом раздавал нехитрую закуску, мудро размышляя вслух о строении государства и схемах ведения бизнеса, пытаясь показать глубину своего интеллекта и уровень образования. Местные девки визжали от его пошлых острот, продавщицы в магазинах называли по имени-отчеству... Будучи уже сильно поддатым, Петька хамил стройным красавицам с улицы, противным голосом зазывал на рюмку чая к дворовому столику, обещая сказочное удовольствие и не забывая при этом ловко хватать их за выпуклую попку. А тут... Холодный пот заструился по воротнику, пальцы рук похолодели, словарный запас полностью иссяк, даже язык оцарапался о старую пломбу в зубе, и Фрол в испуге опустил взгляд.

«Да что здесь такое творится! Ничего не понимаю! Ну, Кукуша, блин! Может, тут бордель какой, но уже нового образца, где посетители шифруются во время тайных оргий, называя себя сомнительными определениями из словаря наркологов?! А вдруг эта блондиночка – настоящая российская гейша или на самом деле танцовщица живота?!» – Петька попытался сравнить девушку с обычной шлюшкой, чтобы оказаться в своей стихии и вести себя соответствующе, но вместо этого удивился, растерялся и даже немного испугался, когда услышал голос Татьяны:

– А теперь давайте поздравим нашего новичка! – Ведущая, широко улыбаясь, поднялась с места и направилась к окончательно онемевшему Фролу. – Вот, прошу любить и жаловать – это Петр! Он сегодня первый раз на нашем собрании! – стоя вполоборота к основной массе, девушка протягивала ему какие-то листовки. – Смотри, Петя, здесь все, что нужно только что пришедшим. Расписание, адреса помещений, правила, ну... и полезная литература. В общем, разберешься. Приходи к нам, здесь тебе всегда рады. Тут ты найдешь друзей и собеседников.

Народ и в этот раз захлопал в ладоши, блондинка несильно стукнула его по плечу, а бабка-стриптизерша дерзко подмигнула и рассмеялась, обнажив редкие зубы.

Даже много лет спустя Фролу было тяжело определить, что случилось тогда с его головой и всеми нехорошими мыслями. Почему он в тот момент на несколько мгновений забыл об осторожности и захотел заплакать? Может быть, искренняя радость абсолютно чужих людей произвела сильное, но в то же время непонятное впечатление на душу пьяницы Петьки? А может, понимание того, что здесь ему всегда будут рады, даже если он ничего с собой не принес из выпивки и пришел на халяву?

Совершенно потеряв ориентиры и полностью сникнув, Фрол скромно поблагодарил Татьяну. Догадываясь, что все уже идет к финалу, а ему так и не удалось что-то разузнать, поскольку его постоянно сбивают с толку, он решил наконец-то разобраться со всеми этими странными личностями и несмело обратился к блондинке, предварительно шмыгнув носом для солидности и делового вида:

– А где алкоголики-то настоящие?

– Тс-с-с!.. Еще чуть-чуть осталось, и я тебя с ними познакомлю, – девушка опять коварно блеснула белоснежной улыбкой и требовательно добавила: – Начинается заключительная часть! Сиди тихо!

– А?.. – Петька попытался еще что-то спросить.

– Тсс!.. – повторила она, прижав палец к Петькиным губам. – Скоро все будут читать молитву о душевном покое! Ты лучше послушай ее внимательно! – шепот был настолько громким, что на них стали беспокойно оглядываться.

Фрол вдруг стал покорным, как молоденькая овечка, и превратился в изваяние, боясь даже вздохнуть – столько властной энергии исходило от собеседницы. Помедлив несколько мгновений, он сначала перевел взгляд от ботинок к потолку, а потом, робея, искоса уставился на ведущую. Монотонная речь Татьяны заструилась в абсолютном безмолвии: присутствующие сидели не шелохнувшись. Кто-то тупо смотрел перед собой, кто-то глядел в окно, лишь пламя свечи трепетно вздрагивало на столе.

– ...Нет такого несчастья, которое нельзя было бы уменьшить!..

И тут какая-то волна теплоты обволокла Петяню. Он засуетился, решив, что заключительная часть чем-то напоминает гипнотический сеанс, но не успел ничего предпринять для спасения и улетел в неизвестность! Вроде издалека подул нежный ветерок, лаская его горящее огнем лицо... В душу к Петьке проникло абсолютное спокойствие... Казалось, что в мире нет больше горя и скорби... Что на земле существуют лишь хорошие люди, готовые всегда прийти на помощь... Что стоящая рядом девушка – русалка из сказки или даже принцесса, прилетевшая из другой галактики... Что дрянная бабка на самом деле – добрая фея, раздающая рождественские подарки... У Фрола защипало в носу, а воркующие интонации ведущей продолжали навевать странные, почти фантастические ощущения внутри тела:

– Говорите друг с другом, говорите честно, говорите хотя бы с одним из нас, и пусть в ваших речах не останется печали, пусть будет понимание и мир!..

Его глаза вдруг намокли. Сквозь слезы Петька уже не мог разглядеть край стола, где находилась Татьяна и откуда доносился ее голос. Воспоминания пронеслись в голове Фрола стремительной молнией. Детство, отрочество, юность... Чудовищная потеря в самом начале пути любимых родителей... Постоянное стремление к обогащению и удовольствиям... Уголовное прошлое и полная безнадега... Несчастливая супруга и его хулиганские выкрутасы... Беспольное и теперь совершенно никчемное существование среди отбросов общества, в грязи и нечеловеческом страхе. Петька позабыл про Анькину водку, и ему нестерпимо захотелось жить! Начать наконец созидать что-то, а не разрушать! Делать то, к чему стремится большинство людей!.. Фрол не понял, что же с ним происходит, откуда взялись в его уставших от пьяных проблем мозгах такие крамольные мысли, а на ресницах – соленая влага, но на всякий случай быстренько вытер глаза и обернулся – не заметил ли кто его слабости.

– Желаящие могут присоединиться к нашей молитве.

Раздался грохот отодвигаемых стульев. Человек восемьдесят, крепко взявшись за руки, расположились по кругу и замерли.

– Боже! – после глубокого вдоха начала Татьяна.

– Дай мне разум! – подхватили все собравшиеся.

Петяня удивленно крутил головой. Зал просто был набит битком! Количество народа превосходило все разумные пределы! Кто-то стоял на одной ноге, прислонившись к стенке.

Несколько опоздавших толпились в дверях. Там, где позволяло пространство, люди держались в два ряда. Сильные и стройные звуки многих голосов стремились в небо:

– ...Мужество, чтобы изменить, что могу!..

Казалось, они в состоянии сотворить что угодно, если соберутся вместе. Не существует таких препятствий, которые им не преодолеть, когда они держатся в крепчайшей цепочке.

Текст молитвы проник в душу Петьки.

«Хм? Изменить, что могу? Да! Точно! Но откуда это у них? Где они взяли эти слова?» – Петька задышал еще чаще, пытаясь выстроить свое сознание хотя бы в кривую линию вместо хаотичного движения мозговых молекул.

– Мудрость, чтобы отличить одно от другого!

Возрастной диапазон присутствующих, возможно, позволял заглядывать в будущее и изменять прошлое.

– Аминь!

Собрание закончилось. Фрол стоял, оторопев от увиденного. Мужчины и женщины потянулись к выходу, приветствуя друг друга рукопожатиями и поцелуями.

Глава вторая.

Веселая Маргоша, хитрый Борисыч и остальная компания

– Ты куришь? – блондинка достала пачку «Винстона» и поманила Петьку за собой к двери.

– О! Клевый табачок! – за несколько мгновений Петька пришел в себя, и у него поменялось поведение.

Он решил изобразить этакого развязного типа, зашедшего чисто на огонек или на рюмочку, ведь ему было очень неловко из-за своего наваждения за столом. Фрол беспокоился, что кто-то мог узреть его глупые сопли, и поэтому пытался утвердиться в привычной роли непробиваемого пацана, который прошел тяжелейшие испытания судьбы и которому все давно известно о жизни. Уверенным движением он лениво протянул руку, изящно вытянул сигаретку и сунул ее в рот.

Петька на своем опыте знал, что расслабляться нельзя нигде и никогда, как бы ему этого ни хотелось, что бы невероятного ни произошло, какие бы благоприятные обстоятельства этому ни предшествовали и каким бы симпатичным гипнотизершам ни пришло в голову призвать его к добру и справедливости. Он вообще редко верил людям, тем более посторонним, незнакомым, а заодно и красивым девочкам, всегда заведомо предполагая в глубине души нежелательные последствия для себя. В сумеречной надежде Фрол скосил взгляд, решив, что сейчас должно наконец свершиться что-то интересное и захватывающее, например, от основной массы народа отделятся те самые настоящие алкоголики, замаскированные под обычных обывателей, и стремглав бросятся в магазин за портвейном.

Собеседница не умела читать чужие мысли, поэтому, переступив порог, просто щелкнула зажигалкой и поднесла огонек ближе, закрывая пламя от порывов ветра своей красивой ладошкой.

– Давай отойдем в сторону – тут немного дует, – она уцепилась за его рукав и потащила подальше от входа.

Фрол не стал сопротивляться, с независимым видом сплюнул через плечо и проследовал за девушкой. К стене здания был прикреплен пожарный щит с лопатой и топориками, рядом кто-то поставил бронзовую урну и скамеечку. Блондинка присела и мечтательно начала пускать дым колечками. Петька остался стоять.

– Да, кстати! – не дождавшись ничего необыкновенного, Фрол вдруг вспомнил о неких правилах поведения в приличном обществе и задал вопрос: – Звать-то тебя как? А то я сегодня первый раз здесь, еще ничего не понимаю и все забываю! Я Петька Фрол! Меня одна знакомая девка сподвигла сюда зайти, говорит, если не врешь, что желание есть, значит, бросишь бухать скоро...

Обозначив себя и цель своего присутствия, он вскинул голову, и в нее тут же проникла мысль: «Хотя какие они на хрен приличные, если вспомнить бабку-стриптизершу или того паренька в белом галстуке! Ну а как их тогда воспринимать? Правда, с одной стороны, на откровенных пропойц-то они точно не похожи, да и за бухлом никто не пошел, но, с другой... Хм, уж больно неэстетично они себя называют, вроде как позиционируют... Ладно, пока не буду высовываться, а потом разберусь!»

– Маргарита или Маргоша, кому как нравится, – блондинка протянула ладошку и улыбнулась. – Я хожу сюда пятый год и тоже много чего не понимаю, но, ты знаешь, все равно стараюсь запомнить! В жизни обязательно пригодится.

Петька не врубился, почему эта красавица находится тут так долго, ведь чтобы единомоментно бросить пить, много времени не надо. Недельку покувыркаться в похмельных муках, пострадать дня три от рвоты и изжоги – вот и протрезвел. Он и сам так частенько «отходил»,

да и приятели его ничего на эту тему изобретать не пытались... Но, сообразив, что пауза может быть расценена как замешательство и что Маргоша может подумать, будто Фрол совсем уж какая-то конченная пьянь, ну а без водки так вообще глупым становится, на всякий случай решил расставить все точки над «і», чтобы эта блондиночка сразу поняла, что он-то случайно здесь находится.

– Не, я не собираюсь убивать время, я-то не такой, просто вот заглянул из любопытства, хочу посмотреть на настоящих алкоголиков... – Петька сделал многозначительную паузу и скривил рот. – Но пока не нашел ни одного!

– А я? Мы же с тобой рядом сидели! Каким образом, ты считаешь, я сюда попала? – сострила девушка и тоже прищурилась. – Или ты думаешь, что тут может пить чай любой желающий? Ха! Как бы не так!

Маргоша сначала решила, что Петька обманывает или стесняется, но потом ей просто понравился тот вздор, который он нес по поводу ее приятелей, и она подлила масла в огонь:

– Что тут, проходной двор, что ли? К нам приглашают самых достойных или приводят за ручку!

– Достойных кого? Или чего? – опешил Фрол. – Я же тебе про пьяниц толкую, про доходяг там разных! Ты сама, что ли, ошиблась адресом? Но, погоди-ка, пять лет ошибаться – не многовато ли будет?

И столько было в Петькином голосе удивления и негодования, что Маргарита громко рассмеялась, убедившись, что Фрол не врет, что ему и в самом деле непонятно, куда он попал и где находится.

– Так ты пришел туда, куда нужно! Здесь собираются люди, имеющие или имевшие в прошлом проблемы с употреблением спиртных напитков!

– А-а-а!.. Всего-навсего в прошлом проблемы с употреблением! Так сразу бы и сказала! Ну, это не страшно! Ведь это ж обычное дело! У моих друзей и приятелей у всех сплошь да рядом эти самые проблемы! Пьют, конечно, как лошади, в вытрезители иногда попадают, в больничках подолгу зябнут, но они не алкоголики! – Петька облегченно вздохнул и тоже растянул губы. – А я уж, было, испугался, думал, крыша поехала! Вижу же, что здесь этих самых настоящих алкоголиков-то совсем и нету! Сидят какие-то личности, само собой, очень странные снаружи и крайне подозрительные внутри, ну и лопочут, естественно, непонятно что!

– Так они рассказывали всем ребятам, как сами раньше бухали, как хлестали водку безбожно. Вспоминали о нечеловеческих мучениях, которые им потом приходилось переживать в состоянии похмельных ломок! А теперь они обрели трезвость, стали достойными гражданами и пытаются поделиться своим опытом с другими людьми. Ведь им очень приятно, что это кому-то необходимо, что это может как-то пригодиться. Так что такие посиделки за чаем и есть то место, где можно узнать, как прекратить употреблять спиртное и как начать красиво жить без алкоголя!

Ее гогот немного утих, и раскрасневшаяся блондинка стала дуть снизу вверх на свои ресницы, пытаясь их высушить.

– Да че ты врешь! – мгновенно закипел Петька и снова сплюнул на землю. – Кто тут сильно бухал? Эти, что ли? Бокал шампанского по праздникам, может, целый вечер тянули или конфеты с ликером кушали? Я тут с самого начала нахожусь и очень хорошо усек, что настоящих алкоголиков здесь совсем нету! У нас во дворе живет одна шваль подзаборная, так они и то больше алкаши, чем эта толпа подозрительная! Бабка-стриптизерша – оно понятно, видок у нее еще тот, значит, очень опасный человек. Темный какой-то. Ведь пожилая она уже, и кто его знает, что там происходило с ней в глубине веков. Но она абсолютно не подходит под определение совсем уж злостной выпивохи! Ну никак! Да из нее и просто пьяница не получится! Так, с дедком-то своим на завалинке, небось, в обнимку сидели и изредка цедили бражку с квасом!

– Какая такая стриптизерша? – теперь изумилась Маргоша. – Ты о ком?

– Да старушка там была возле нас, у нее еще кофточка голубая! Это я так прозвал, навскидку, потому что вообразил, что ее выпустили из дурдома и она может на меня накинуться, желая показать этот самый стриптиз...

– Хм... – блондинка подняла левую бровь и многозначительно выдержала небольшую серьезную паузу. – Однако странные у тебя фантазии, Петька Фрол! Тебе никто об этом не говорил?

Блондинка с удовольствием обсудила бы чьи-то танцевальные способности, но надолго сдержат в себе истеричную вспышку смеха ей не удалось, и она снова зашла в приступе гогота.

– Да это я так ляпнул насчет бабки, не обращай внимания, мысли вслух... – попытался сгладить неловкое положение Петька, поняв, что опять почему-то получилось так, что он предстал в невыгодном для себя свете.

Но тут вдруг справа раздался крик:

– Эй, Марго! Привет! Ты чего ржешь? Я услышал твой задорный смех издалека! Ну, думаю, наверное, кто-то развеселил мою девочку! Сиди там, я уже иду к вам!

Невысокий мужчина в бандитской кепке направлялся в их сторону. Кисти его рук были очень большими, и с расстояния казалось, что он держит две связки бананов. Блондинка обернулась на окрик и изменилась в лице, увидев своего знакомого.

– А, Борисыч! Какими судьбами?! Месяц тебя не видела! Ты где шляется-то? Мы тут все исстрадались!

Восклицание красавицы и ее фамильярный тон позволили Петьке предположить, что эта пара если не муж и жена, то хотя бы любовники или на крайняк уж переспали пару раз.

– Да я в Италию по работе ездил на три недели, соскучился там по тебе! – Было видно, как тот широко улыбается.

Борисыч искренне радовался, что видит девушку. Маргарита ему очень нравилась, и он частенько проводил с ней вечера у себя дома или в кафе.

– Да уж, уехал ты внезапно, даже попрощаться не успел. Ты бы хоть оттуда позвонил, а то пропал без следа! Я уже начинаю сомневаться в твоих рассуждениях о Вечной Любви!

– Не надо сомневаться, ты ж меня знаешь немало лет. Я сегодня прямо из аэропорта сюда приехал, чтобы тебя поскорее увидеть. Ты меня не заметила – я сидел на задних рядах, прятался, хотел тебе сюрприз сделать.

– Правда?

– Правда... Не выдержал долгой разлуки и примчался на тебя глянуть.

– Спасибо... Ладно, об этом потом. Вечером поговорим. Сейчас другое дело есть.

Марго поднялась со скамейки, ступила на бордюр тротуара и загадочно произнесла, глядя Петьке в глаза:

– Вот, познакомься: это Сергей Борисыч – конченный алкаш в третьем поколении. В свое время пропил все, что было нажито непосильным трудом, потом набрал кредитов на полмиллиона долларов и захотел утопиться от отчаяния! Говорят, почти десять лет назад ребята поймали его возле Люблинского пруда в одной рубашке, без штанов, но зато в носках!

Красавица явно балагурила по отношению к вновь прибывшему, но тот, казалось, только радовался таким байкам о себе. Он гордо поднял голову и оскалился в ответ:

– Было дело, не стану врать, так приперло, что хоть в воду ныряй! Только ты же прекрасно понимаешь, что не топиться я туда шел! – Борисыч слегка обнял блондинку сзади за талию и поцеловал в щечку. – Там другое стряслось! Я похмелиться хотел, но... Так меня в то пасмурное утро трясогузка замучила, что не хватило всей моей десантной закалки, чтобы изловчиться и надеть в магазин ботинки! А что ты хочешь, ведь двадцать пять литров чистейшего «Ройала» мы втроем приговорили за неделю попойки! Было настолько плохо, что я, наверное, даже не смог бы сам застрелиться! Да кому я, собственно, все это рассказываю! Чай, не возле библиотеки встретились! – Он посмотрел на Петьку, подмигнул ему и вопросительно поднял бровь в надежде найти у того поддержку и понимание своего поступка. – Так и побег в носочках на босу ногу! Ладно, что было, то прошло!

Борисыч ближе придвинулся к блондинке и еще крепче стиснул ее в своих огромных лапах.

– Марго, я тебя обожаю! Ты мое солнце в этом мире безмолвия душ и нравственного вакуума!

Девушка задохнулась немного, но все-таки засияла от удовольствия.

Отстранившись, она показала кивком головы на Петьку:

– Вот, гляди, новичок, Петькой зовут. Был сегодня на собрании. Туда его подруга привела, но он, видимо, ни хрена не понял, что к чему, и ищет теперь самых настоящих алкоголиков! – проговорив это довольно весело, Марго попыталась сделать серьезное лицо и добавила: – Ты не знаешь, где они? Как их можно найти?

Борисыч, обычно разбирающийся в сомнениях посторонних посетителей, на сей раз тоже не оплошал и тут же включился в игру:

– Как ты сказала? **НАСТОЯЩИЕ!** Ха! Так где же я их тебе найду?.. – С задумчивым видом незнакомец протянул руку Фролу и, как бы сожалея о своей беспомощности в таких вопросах, представился грустно: – Сергей Борисыч. Можно на «ты» и просто по имени. Значит, говоришь, алкоголики тебе нужны? Хм... Тяжелый случай... А зачем? Ну, правда, для чего тебе нужны **САМЫЕ НАСТОЯЩИЕ АЛКОГОЛИКИ?** Поболтай с нами, с игрушечными! – Он пристально заглянул Петьке в глаза и смело предположил: – Те-то же наверняка ханку жрут где-нибудь или валяются в канаве! А может быть, у аптеки толпятся или на худой конец на черной работе вкалывают, собирая возле скверов и магазинов пустую посуду... – Но, увидев, что переиграл с интонацией, примирительно улыбнулся: – Ну ладно, смотри сюда! Вон, сечешь, два молодых пацана садятся в «бэху»?

Взяв Фрола за плечо, Серега развернул его чуть влево.

– Ага...

Петька совершенно не понимал ситуации, да и размышлял он сейчас о далекой Италии, о том, кто пустил туда этого бандита и где ж тот умудрился занять по пьяной лавочке столько тысяч долларов.

– Алкашня! – безапелляционным тоном заявил Борисыч. – Это же надо, пропить три квартиры! Две своих и чужую – сестринскую! Правда, Владик потом пытался одну с автоматами отбить – не получилось, упаковали на пять лет дурачка... Говорили же ему, не лезь на рожон, выдержи время, пусть Бог рассудит! Не стал слушать добрых людей, за решетку попал, срок получил! Как же тогда Алка, сестра его, убивалась! Говорит, да пропади оно все пропадом: и квартиры, и машины, и дачи трехэтажные вместе со всеми пьянками и гулянками! Но, может, оно и к лучшему – как-никак, а после освобождения седьмой год без водки живет... Да и с наркотиками завязал вроде!

Сергея обращался к Маргоше, но восхищенно смотрел на братьев.

– Помнишь, каким он пришел в первый раз? Хотя нет, ты же появилась у нас намного позже и не знаешь ту историю! Представляешь, Влад был как живой труп! Весил килограммов сорок! Бог ты мой, что же водка с людьми делает!

– Да ладно вам врать-то! Это же СКОЛЬКО и КАК нужно пить, чтобы превратиться в скелет или прогулять три квартиры?! – вмешался Фрол. – А сейчас БМВ у них последней модели! Откуда тогда? Да и одеты прилично! Обманываете вы меня, это не алкоголики! Так не бывает!

– Ты еще не знаешь, землячок, как на самом деле бывает! Если бы в этом мире все было так просто, если бы можно было предсказывать все повороты судьбы, предупреждать их или изменять по своему усмотрению, то жить становилось бы с каждым годом все скучнее и скучнее! «Украл, выпил – в тюрьму!» – процитировал он известнейшую фразу героя Леонова и добавил от себя: – У тебя получается, что других вариантов в жизни не дано изначально! А вот так-то как раз и не бывает! Даже в этом фильме-пародии все персонажи в конце стали хорошими и добрыми! А вон, – перескочив опять на старую тему, Борисыч показал пальцем на трех женщин разного возраста, стоявших неподалеку, – вообще пьянь беспробудная! Вот с той Людочкой, которая в черном плаще, мы пили дихлофос! Не стаканами, конечно, так чисто пару раз в кружку с пивом прыснули... Я ее потом на себе тащил, а она всю дорогу песни пела! Алкоголичка до корней волос!..

Сергея причмокнул, и на его лице уже не было ни тени лукавства.

– Как дихлофос?! – с ужасом спросил Фрол, и крупные горбатые мурашки галопом помчались у него по спине. Дело в том, что Петька сам пил этот сомнительный коктейль только один раз в жизни, когда состояние было таким хреновым, что выбирать не пришлось.

...В тот день он проснулся в какой-то каморке, напоминавшей со стороны могильный склеп. Окна были без стекол, двери валялись в отдалении. Холод стоял собачий. Голова болела после ночного возлияния. Губы тряслись. Во рту как будто кошки бегали. Желание сделать хоть глоток живительной спиртовой влаги было вне контроля Фрола, и он готов был грызть кирпич, в нервной истерике ломая зубы. Поводив очами туда-сюда и не найдя абсолютно ничего, что содержало бы хоть какое-то количество алкоголя, Петька выполз наружу. Оказалось, что спал он в подвале полуразрушенного здания сталинской постройки, поэтому помещение и привиделось поначалу таким пугающим. Вокруг до самой кромки леса простирался пустырь, необъятный размер которого еще сильнее навевал жуть. Наморщив лоб, Петька попытался восстановить хронологию вчерашних событий, чтобы решить, что же ему теперь делать и куда податься голодному и замерзшему...

Накануне какие-то вредные менты согнали Фрола в его собственном подъезде с коврика для ног, красиво расстеленного у чернго хода. Здесь он провел последние три дня в надежде вымолить очередное прощение жены. Любимая супруга на стук в родную дверь не реагировала, молчание затянулось, и Фрол с огромным сожалением снова отправился в объятия дворовых бродяг. К счастью, встреча с представителями жизненной отдели превзошла все ожидания: сразу нашлись необходимые средства из легированной стали для приобретения спиртного. Быстренько вскрыли тем ломиком дверь какого-то продуктового ларька, спокойно пошарили

в подсобке, отыскивали водочку с закуской... А потом сели в ближайшей подворотне на изодранные телогрейки и, закусывая сочными помидорами, пили много, жестко, почти без оглядки на прохожих...

Это было первое, но не единственное, что светилось у Фрола в мозгах, что отложилось в его памяти из тех еще почти трезвых приключений. Второй к нему явилась мысль, что полуголый бородатый мужик, метавшийся вчера в истерике вдоль вечерних гаражей с пустым чемоданом в руке, – очередной залетный лох. И тот прокол с ним, тот неуместный шухер – все-таки результат от просроченного клофелина, а не от неопытности подельников. Ну а вот как Петька сюда попал, какая нелегкая закинула его в эти края, в какое время она надругалась над ним, и что же произошло со всеми персонажами гулянок дальше, так и осталось для Фрола пьяной тайной – грустной загадкой на всю жизнь. Возможно даже, что он никогда не смог бы об этом размышлять и вспоминать, будучи уже на том свете из-за внезапной смерти от «синдрома Белкина», если бы вдалеке не увидел двоих бомжиков, которые, громко разговаривая, двигались в его сторону. Один нес открытый бидон, где плескалась какая-то желтая жидкость, а другой держал в вытянутой руке большой аэрозольный баллончик. С трудом поднявшись с земли, Петька бросился им навстречу:

– Привет, мужики! – Фрол почувствовал, что язык почти деревянный и абсолютно его не слушается. Да и голос предательски дрожал. – Ради бога, нет ли чем душу согреть?! Хоть глоток, хоть чего-нибудь!

– Здоров! – ребята переглянулись.

– Ты сам-то откель будешь? – один из них поставил бидон на травку и выпрямился. – Тоже мне, нашелся страдалец! «Ради Бога-а-а, хоть что-нибу-у-у-дъ, лишь бы ду-у-ушу согреть!» – передразнил он Петьку и глянул через плечо: – Колян, стоп, давай передохнем, спросим милка, что он здесь забыл – вдали от людей, от цивилизации!

Тот, к кому обратились, поморщился, бережно опустил свою ношу и присел рядом, прямо на землю.

– Потом расспрашивать и дурковать будем! – он довольно гневно нахмурил брови и повернулся к напарнику: – Васька, хрен ты старый! Ну нельзя же так! Тебя ж спрашивают, может, поможешь здоровье поправить? А ты зачем-то сначала вопросы свои дурацкие задаешь! Дразнишь беднягу! Тьфу! – Колян взмахом пригласил Фрола подойти к нему поближе. – Сейчас мы сами похмелимся после вчерашнего и тебе тоже плеснем! Вообще-то, мил человек, выпивки как таковой у нас нет... Есть пиво, но чистоганом им наслаждаться очень дорого и нерационально, да и не по положению нашему такие изысканные аристократические прищички! Короче, Василь, давай, лей «Жигулевское» в банку! – С этими словами он поднял баллончик и показал Петьке название, написанное наискось сосуда. – Ди-хло-фос, видишь? Так вот, мы пьем его с пивком, без закуски, да еще и на голодный желудок! Но не потому что у нас жрать нечего, а потому что надо правильно применять «спасительную» химию! Сейчас покажу как. Захочешь – милости просим к нашему шалашу!

Взяв протянутую товарищем склянку, Колян три раза прыснул в напиток.

– Ты будешь первый? – обратился он к Ваське.

Тот мотнул головой и поморщился:

– Не, я три не смогу, давай ты. Мне с трех башню срывает. От такого количества птички в голове начинают петь шибко громко – спать мешают!

– Угу... Тогда прошу тишины! – Колян выдохнул и зажал нос пальцами. Кадык задвигался в такт глотков. Петьку передернуло. – Бр-р-р! – оставив пустую посуду, добрый бомжик стал судорожно хватать ртом воздух. – Ништяк! – смачно крякнув еще несколько раз, Коля оттер выступившие слезы.

Его напарник наклонился за банкой. Налив себе пива, он ткнул ей приятеля в грудь, многозначительно добавив при этом:

– А мне, как обычно, только два пшика... Хочу сегодня по району пошакалить, может, посуды насобираю или шмотья какого подгонят добрые люди...

Фрол стоял и размышлял: на его глазах два вроде бы почти нормальных человека выпили отраву для насекомых, но оказалось, что это у них в порядке вещей, а ведь для него самого это было что-то новое, неизведанное. Петька не стал рассказывать ребятам, что сам он далеко не миллиардер и у него тоже случаются ситуации, когда он не брезгует разными там аптечными настойками, техническими спиртами, одеколончиками... Не стал – наверное, понял, что их ничем не удивишь, и если эти люди докатились до препарата для травли мух и тараканов, то они намного круче его... Видимо, они уже прошли и почти закончили путь полной человеческой деградации. Фрола слегка смущали последствия от приема такого сомнительного коктейля, но он понадеялся на опыт новых знакомых, когда вспомнил, что один из бомжиков, ссылаясь на какие-то неотложные дела, старался ограничить себя в количестве, чтобы быть более работоспособным. «Значит, можно попробовать, если только они сейчас не окочурятся вдруг! Ладно, посмотрим! В самом-то деле, ну что мне сделается с этой капли отравы? – недолго размышлял Петька, прекрасно понимая, что сегодня не его очередь выбирать. – Главное, чтобы хоть немного башку отпустило и дрожь в коленях унялась! Будь что будет!»

– Давай, милоч, не стесняйся, – Петьку толкнули под локоть, – тут один пшик всего! Поверь, это для начинающих!

Довольный Васька, видимо, тоже уже поправивший здоровье, держал следующую выпивку возле лица Фрола.

– Нос только зажди, потому что в первый раз этот аромат может шибко мозги пробить!

Круги перед Петькиными глазами стали зелеными от похмелья, близкого к обмороку, и мерзкого запаха зелья. Зажмурившись, он осушил банку в три глотка. Жидкость проникла в желудок и забурлила...

– О-о-о! Приживается! – воскликнул тот, кого называли Васькой, и протянул лист подорожника. – На, зажуй, отбей привкус!

Фрол тупо выполнил указание. Медленно двигая челюстями, он вдруг заметил, что краски жухлой травы и сентябрьского неба загорелись ярче, голова начала проясняться, а онемевший от приторного вкуса язык принялся выписывать словесные кренделя:

– Во, блин, что это? Офигеть!

Внезапно появившаяся легкость растекалась по всему телу, тиски, сжимавшие Петькину грудь с самого пробуждения, ослабли настолько, что он первый раз за сегодняшний день глубоко вздохнул.

– Хе-хе, а ты как думал?! Это тебе не хухры-мухры! Отечественные препараты нами давно проверены – поразительная эффективность! – мужикам было явно очень приятно, что радость похмельки и их тоскливое одиночество разделяет кто-то еще, а может, им просто хотелось поболтать о чем-нибудь прекрасном.

– Я балдею, ребята! Вы мои спасители! – Фрол весело крутанулся вокруг себя и, счастливый, повалился на куст чертополоха. – Как здорово! У вас еще есть для меня хоть немного? Я вам потом водкой возьму или портвейном настоящим!

Он подложил руки под голову и мечтательно смотрел на высокие облака.

– Ты прекрати! Какие могут быть счеты! – смутился Колян. – Я тоже иногда болею, и бывает так, что даже дихлофоса нигде не достать! Все мы люди и должны помогать товарищам по несчастью! Эх, ведь нам очень хорошо известно, что такое утрешняя трясогузка!

– Тебя как звать-то? – спросил второй, тот, кто наливал пиво.

– Петька я, Фролом кличут! – Петька наслаждался своим состоянием. Жизнь забурлила у него в груди, и он широко улыбнулся: – Тут я, где-то рядом живу.

Хотя сейчас ему было по фигу, где именно он живет. Ему вообще сейчас было все по фигу.

– Ну а я вот местный бродяга... – с грустью в голосе сообщил первый. – И Васька тоже не владелец царских палат. Обитаем в тех развалинах. – Стремящееся к полудню светило отражалось у Коляна на затылке, и он умиротворенно улыбался, подставив желтое лицо под косые

лучи осеннего солнышка. – Редко кто заходит к нам, но мы очень гостеприимные. Тебе вот помогли. Ты не пропадай, появляйся у нас! Чуть попозже я еще плесну божественного напитка!

Лысый, крихтя, поднялся с земли...

В общем, проникся Петька гостеприимством Васьки с Коляном и рассказывал о них при случае друзьям и приятелям. Но сейчас, стоя рядом с Серегой и Маргошей, Фрол опять содрогнулся, вспомнив то гадкое пойло, тот омерзительный привкус, который потом преследовал его еще неделю. Хотя этот коктейль, это чье-то чудовищное изобретение, видимо, спасло ему тогда здоровье, а может, даже и жизнь.

– Как дихлофос? – Фрол даже икнул, настолько образ Борисыча и женщины по имени Людка не соответствовал внешнему виду тех бомжиков, которые только что всплыли в Петькиной памяти. Да и Маргоша, и ребятки из «бэхи» тоже мало были похожи на бродяг.

– А вот так! – передразнил его Серега и цыкнул слюной между зубов. – Удивлен? Ха! Не ты первый! А хочешь, пойдем подойдем к Людочке, поздороваемся, что ли... Можешь даже поспросить чего... Я бы тебе и сам рассказал много всего из моих с ней приключений, но, боюсь, она этому не особо обрадуется. И не потому, что ей стыдно или неприятно вспоминать события давно минувших дней, а просто не принято это в нашем кругу. Как-то обходимся мы без сплетен, ведь у каждого из нас есть свой опыт беспробудного пьянства и удивить друг друга мы уже не в состоянии... Марго, ты с нами? – улыбнувшись Фролу, он повернулся к девушке. Блондинка кивнула и деловито взяла Борисыча под руку...

Ровным счетом так ни в чем и не разобравшись, Петька мудро решил промолчать, но недоверие продолжало расти. Ну никак он не мог представить Борисыча возле пруда в тяжком состоянии трясогузки, в одних носках да еще и в обнимку с канистрой «Ройала». Не началась у Фрола и сцена, где женщина по имени Людка, зажавши нос пальцами, вкушала дихлофос с похмелюги. Стройная Маргоша пока помалкивала, и Петька не стал заморачиваться еще и о ней. Он прикрыл глаза, глубоко вздохнул и попытался успокоиться.

Народ тем временем высыпал на улицу перед зданием, и люди, разделившись на группки, курили и негромко беседовали. Напротив размещалась автомобильная стоянка, где среди большого количества машин среднего класса стояли и довольно дорогие модели. За углом дома находился шикарный ресторан, и Фрол вначале решил, что принадлежат они богатым посетителям, но ему опять пришлось убедиться в том, что он заблуждался. Тот самый мерзкий бородач, который на собрании сидел недалеко от него и, как Петька мудро предположил, собирался найти собутыльника и отправиться побухать, появился в открытых дверях и достал из кармана брелок. Маленький пульт в руках негромко пискнул, и изящный «ниссан» приветливо заморгал аварийками. Фрол пошарил глазами по территории парковки и заметил, что девушка с сухими губами тоже не пошла на остановку троллейбуса, а с достоинством садилась в крохотное «ауди купе» с иностранными номерами. В течение нескольких минут вся площадка опустела, оставив Фрола в глубоких размышлениях над словами Борисыча, что не так-то в мире все просто, как может показаться на первый взгляд.

Помотав головой, как в наваждении, Петька услышал восхищенный возглас:

– Хай, Борисыч! Ты опять решил заглянуть на огонек? Давненько тебя видно не было! – женщина по имени Людка обращалась к Сереге, в знак приветствия пальцами изображая «викторию».

Фрол покосился на нее, но ляпнуть какую-нибудь дерзость насчет ее фантомного алкоголизма у него не хватило смелости. Борисыч улыбнулся, мягко освободился из-под руки Маргоши и направился к Людочке.

– Здравствуй, дорогая! Занимался своими делами, но теперь я снова в строю! Ну а ты как? – Серега слегка прикоснулся губами к нежной щечке женщины и повернулся к ее собеседнице. – Привет, Настенька, рад тебя видеть!

Та молча кивнула, а Людочка счастливо выдохнула Борисычу в ответ:

– Нормально, жизнь продолжается! Вчера была олимпиада по физике, мои, естественно, победили!

– Так твоим даже соревноваться не надо, потому что это бессмысленно! Всем остальным нужно просто сдать листы с задачами без боя или выкинуть их в урну! – грубо польстил Борисыч.

Людка улыбнулась, и глаза ее заблестели. Чувствовалось, что ей очень приятно.

– Спасибо, Серый, но это факт! Ты же знаешь, что я вкладываю в ребят всю свою любовь и энергию, чтобы дать им необходимые знания, чтобы вырастить достойных людей! А это кто? – она вопросительно кивнула в сторону Петьки.

– Это новенький, два часа назад пришел. Алкоголиков настоящих ищет... – подозрительно хитро доложил Борисыч.

Фрол прекрасно все слышал и пришел в недоумение из-за внезапно возникшего интереса к своей персоне и нарушения порядка знакомства. Ведь это он должен был подойти к компании и поспросить чего-нибудь. Мало того, с этого расстояния Людочка выглядела еще более эффектно, и Фрол, незамедлительно сделав окончательные выводы, опять стал убеждать себя, что невозможно совместить несовместимое, что не бывает так, хоть ты тресни.

«Блин, че за чертовщина! – размышлял он. – Какой тут, на хрен, дихлофос! Да эта фифа, наверное, даже туалет в перчатках посещает! Эх, ведь врут они все! Нет, чтобы сразу признались всей шаблой, что, дескать, извини, друг, промашечка вышла! Иди, типа, гуляй себе с миром! Т-а-а-к... Что же теперь делать?.. Тем более тут очень трудно понять, ну на фига им все это надо – понты-то закрученные! Да и зачем в таком случае называть себя алкоголиками? Хм, странно все это! В общем, надо быть начеку!»

Фрол умно прищурился и уже с видом знатока оценил «мадам» по ему одному известной шкале принадлежности к той или иной категории граждан. Черный плащ женщины был куплен явно в Канаде, ее изящная обувь на тончайшей шпильке являлась произведением искусства шведских сапожников, ну а заколка в волосах с прикрепленным к ней прозрачным камешком распространяла единственные на земле лучи, позволяющие распознать бриллиант. Петька опять попытался представить, как эта недотрога пьет отраву для тараканов, и уже не смог сдержать нервный смех.

– Ты чего? – Марго держалась за куртку Фрола и переминалась с ноги на ногу.

– Да-а-а... это я так, вспомнилось что-то...

– Ты не стесняйся, задавай вопросы, если что непонятно!

В ответ Фрол кивнул и как-то странно на нее посмотрел.

Блондинка перехватила похожий недоверчивый взгляд еще возле входной двери. Девушка догадывалась о происходящем в душе Петьки хотя бы потому, что сама лично на первых порах особо никому не доверяла, считая всех вокруг жуликами, сутенерами и иже с ними, но только не алкоголиками. Поэтому она не стала совсем уж его доставать, справедливо полагая, что Фрол в конце концов разберется во всем сам.

Людка тем временем наклонилась к соседке и кивнула в их сторону. Петька похолодел, но раздумывать ему не дали:

– Петь! – махнул Серега.

«А ручки-то у него – дай бог каждому!» – испугался Петяня, впервые сообразив, что нейтральные разговоры – это одно, а вот на самом деле все может быть по-другому. Фролу стало немного не по себе еще тогда, когда их было всего трое, считая и его самого, а сейчас народу прибавилось, и поди разбери, что скрывали в душе эти люди. «Интересно, а сам Борисыч скольких уже придушил здесь? Хотя рожа-то у него добрая вроде...» – втянув голову, Фрол поплелся навстречу. Не дойдя двух шагов, он остановился и вопросительно посмотрел на компанию.

– Здравствуй, Петя. Да ты не бойся, – скромная женщина протянула руку в перчатке. – Я – Настя. Ты решил у нас обосноваться? Ну, как говорят, милости просим!

Но Фрол запетушился. Была у него такая черта в характере – держаться до последнего, даже если ситуация крайне напряженная.

– Ничего я еще не решил! И никого не боюсь! Я пришел вот и смотрю! – Петька пытался изобразить рассерженного, но поскольку ничего обидного и злого Настя не произнесла, у него не получилось, просто так грубить не было смысла, так что к ее перчатке он все же прикоснулся. – И вообще, я, наверное, сюда случайно попал! – пробормотал он, с опаской оглядывая подружек и вовремя сообразив, что неплохо будет немного передернуть факт посещения: – Мне знакомая сказала, что где-то собираются настоящие алкоголики и учатся правильно пить вино, ну там и другие напитки разные!

– Да ты не кипятись, – женщина по имени Людка улыбнулась. – Всем нам кто-то что-то сказал, куда-то позвал, что-то пообещал... Все мы послушались или, наоборот, отторгли добрых людей! Всякое бывало... Только вот обманывать не надо! – она посмотрела на Фрола с укоризной. – Вернее, от себя добавлять фантастические мечты ну совсем уж ни к чему! Поверь мне, здесь не та история! Да и случайно к нам не попадают! Кто бы тебя сюда ни пригласил, он прекрасно знал, что употреблять алкоголь, как ты говоришь, правильно, у тебя уже никогда не получится и вселять надежду просто бессмысленно! Тут никто никого учить пить ни вино, ни водку не собирается, скорее всего, это ты думаешь, что сможешь когда-нибудь правильно употреблять спиртное и наслаждаться состоянием опьянения. Хм... – она глубокомысленно сделала паузу. – Конечно, это спорный вопрос и никому не нужно вступать с тобой в полемику, чтобы доказать обратное, но самое интересное в том, что ты еще пытаешься и меня убедить, что твоя знакомая обещала именно такой результат! А я не люблю фантастику! – Тут она поняла, что перегнула со строгостью, и добавила чуть теплее: – Все мы люди и тоже умеем шипы показывать! Ладно, об этом потом... – Людка достала из кармана пачку «Мальборо» и вопросительно глянула на Петьку. – Хочешь, расскажу, как меня на уроках французского языка ученики нервируют?

Фрол почему-то действительно забоялся этой женщины и тупо молчал.

– Не хочешь? Ну и правильно! Зачем тебе знать, что они тоже лгут постоянно, сказки рассказывают разные! – она задумалась, видимо, вспоминая что-то. – Прямо фантасты! Только сопливые еще! Не ведают они многого, не понимают, что провести своего учителя им пока не под силу! Я же прошла огонь и воду!.. – женщина по имени Людка загадочно улыбнулась, и голос стал таинственным: – ...И медные трубы! В общем, приходится объяснять ребятам, что не все в этой жизни лежит на поверхности, что у айсберга четыре пятых объема скрыты в глубине океана... Так сказать, пытаюсь заложить в их маленькие, наивные организмы крохотное зерно здравого смысла. Хочу втолковать им, спокойно и рассудительно втолковать, что в этом мире не всегда белое – белое, а черное – черное, и не всегда где-то только плохое, а где-то только хорошее... Н-да... И ты знаешь, начинают понимать! Доверять... Вот и Анастасия Павловна в курсе моих печалей! – Людочка щелкнула зажигалкой и утопила кончик сигареты в пламени. – Фу-у-у!.. Блаженство! Родные ведь, сигарки-то! Настоящие, штатовские, с Тихоокеанского побережья! Спасибо Сашке Испанцу, хоть привозит иногда, балует нас! – она повернулась к подруге и весело подмигнула: – Ну что, Насть, будем брать шефство над Петрухой? Чтоб для начала врать и трусить перестал! Или благополучно отпустим его на все пять сторон?

– Вы хотите сказать, что работаете учительницей французского языка? Воспитываете детей? – Фрол старался ничему не удивляться, но эта новость была для него более чем фантастическая. – А кто такой Сашка Испанец?

– Ох, бог ты мой! Сколько вопросов с подозрительной интонацией! Какая экспрессия! – Людочка восхищенно и изучающе глядела на Фрола. – Сразу видно – такого на мякине не про-

ведешь! Нет, Петруха, работаю я директором школы, а иностранный язык преподаю – чисто для души. И Настя вот, Павловна, тоже чуть-чуть от науки человек, у меня подрабатывает! А Санек? Хм... Как тебе сказать, чтобы ты не сбежал от меня раньше времени – уж больно ты недоверчивый... В общем, это наш хороший приятель и по совместительству дипломат в одной из стран Южной Америки. Катается паренек туда-сюда по делам государственным, ну и захватывает для наших ребят настоящие американские сигареты и разные там сувениры памятные!

Смешливые интонации в Людкином голосе немного успокоили Фрола. Он понял наконец, что эта женщина хоть и богачка, но тоже сделана из плоти и крови, стоит себе, спокойно разговаривает, не хамит, не грубит, ведет себя как обычный человек, поэтому решил вставить еще одну осторожную реплику:

– А почему на пять сторон?

– Хм... Да потому что четыре из них многие наверняка видели на компасе, а пятая – это та, откуда ты здесь появился... Ее даже азимутом-то назвать трудно – так, прилегающая к жизни кривая! И все мы тоже оттуда. Правда... – добавила она, немного смутившись, – поверь, у нас у всех есть возможность снова там очутиться. Всегда...

Голос стал еле слышен.

– Ага! Ничего не понятно, но крайне интересно и очень загадочно! Прямо сказки народов мира! А этих тогда откуда знаете? – осмелев, опять начал закипать Петька и показал подбородком на площадку возле здания. – Ведь не станете же вы утверждать, что являетесь алкоголичкой и имеете к ним хоть какое-нибудь отношение? Они-то, между прочим, все как один твердят о своем пьянстве! Такой бред несли сегодня, да и меня пытались в нем убедить, как будто я полный дурак и настоящих алкоголиков никогда не видел! – Фрол уже не знал, как реагировать на все происходящее – бояться, спорить или негодовать. – Хотя совсем забыл!.. – вдруг вскрикнул он. – Красиво вы толкуете, волшебным образом, да так, что очень хочется верить, но по всему получается, что кто-то из вас двоих врет! – указательный палец был направлен на Борисыча.

– Что такое? – Людка с любопытством посмотрела на Фрола.

Тот понял, что не сдержался и проговорился. Ведь наверняка история с дихлофосом, если таковая действительно происходила, не предназначалась для посторонних ушей. Получилось, что он на нервах сдал Серегу с потрохами. Петька немного приуныл.

– Да это я Петьке вкратце объяснил, как мы с тобой познакомились! – поторопился прийти на помощь Борисыч. – Естественно, без особых подробностей!

– Ну и на каком месте ты прекратил свое повествование? Где закончились «особые подробности»? – строго взметнув очами, Людка крепко взяла приятеля за рукав куртки.

– Так это... – тот смутился. – Пшикнул я тебе дихлофосика, помнишь?

– А-а-а... ну да... – она опустила голову и грустно сказала: – Как пшикнул, помню, а дальше – нет...

– Так вот, про «дальше» я ничего и не рассказывал! Только объяснил в общих чертах, как тащил тебя...

Серега стряхнул с ее плаща невидимую пылинку.

– Ладно, – Людочка повеселела и глубоко вздохнула. – Кто старое помянет...

– Ага... – расплылся Борисыч.

– Ну, а тебя что тут не устраивает? – вновь обратилась она к Петьке. – В чем сомнения твои? Где несостыковочка выходит?

– Дык... Как это, вы и тот случай?! Когда вы с Серегой отраву для насекомых пили! Вы понимаете, что так не может быть?! Я-то сразу об этом догадался, но молчал до поры! – Фрол нарочито деланно осмотрел женщину по имени Людка с заколки до шпилек и помотал головой. – Да так и не бывает, не надо врать! – предостерегающе заявил он тоном комиссара Мегрэ и саркастически оскалился.

– Эх, милый мой, ты еще не знаешь, как бывает! Поверь, не в одном дихлофосе счастье! – Людочке понравилось Петькино возмущение, и она добавила многозначительно: – Дихлофос – это еще цветочки! Когда необходимо срочно похмелиться, когда в висках стучит рота барабанщиков, когда кажется, что смерть уже замахнулась своей косой, когда от отчаяния и безнадеги готов порвать планету в клочья – в ход идет все, включая литровый клей «БФ» из хозтоваров и борный спирт, продающийся в аптеках пузырьками по десять граммов!.. Ну

не смотри ты на меня так, не высчитывай, сколько можно купить этих пузырьков или резинового клея на деньги от моего плащевого хлястика! Да, действительно, мы с Сергеем встретились в очень нехорошее для нас время, до этого бухая как проклятые, а после так вообще в полный отрыв пошли! Но я завязала с пьянством, ну и Борисыч вроде тоже не пьет! Ты спросишь, как так могло получиться? Что способствовало нашему избавлению от гадкого пристрастия? Видишь ли, это целая философия, только тебе предстоит во всем разобраться самому... Разобраться очень тщательно, и не так быстро это выйдет, как бы тебе хотелось.

К сожалению, а может, и к великой радости, мне и многим моим приятелям давно уже известна истина, что хоть люди и кичатся своим величием, хоть и бравируют своим могуществом, на самом деле они очень слабенькие существа и совершенно не умеют контролировать себя и управлять своей жизнью, чтобы она их полностью устраивала – вечно остаются недовольными, неудовлетворенными. Вот поэтому-то и есть в необъятной Вселенной Тот, кто напрямую занимается этим вопросом, лично регулирует наше бытие под звездным небом, чтобы сделать нас счастливыми... Так ведь многие просто не понимают этого или не желают понимать! Часто они упираются лбом в попытки сломать равновесие в своем существовании или изменить ход предначертанных событий, но это у них получается плохо, и вскоре наступает возмездие за своеволие и эгоизм. А у кого-то за лень, ложь и гордыню. В моем случае – за жажду алкоголя, который в итоге растер меня в порошок.

Поверь, Петька, всем нам когда-нибудь придется расплачиваться за содеянное на этой планете, потому что каждый должен обязательно нести за себя ответ! Кому-то придется сделать это раньше, ну а кому-то много позже и, может быть, даже не на этом отрезке времени... И вот здесь самое главное, нужно слепо верить в то, что если количество добрых дел человека хоть на малую толику будет превосходить гнусности и мерзости, совершенные им на всем маршруте жизни, то, возможно, ему будут дарованы прощение и вечный душевный покой.

Возникает вопрос: так какая же шкала ценностей у тех, кто будет судить нас в конце? Что поставят во главу угла, а что посчитается второстепенным? Как отличить хорошее от плохого?... Никому из нас, да и мне в том числе, этого понять не дано хотя бы потому, что я всего-навсего обычный набор клеток и мой уровень духовного развития находится еще далеко внизу. Мы пока не можем осознать очень многих, на первый взгляд, элементарных вещей, но которые на самом деле очень сложны, ведь сие есть тайна мироздания. Опять же, учитывая, что все относительно, что принципы одних могут являться камнем преткновения для других, не стоит на кого-то равняться и смиряться с тем, что абсолютно тебе не подходит. Нужно просто стараться познать самого себя и попытаться хоть чуть-чуть приблизиться к уровню неисследованного разума. Необходимо искренне хотеть творить добрые дела, стремиться быть кому-то полезным. Не теревить свою душу по пустякам, а просто успокоиться, ждать и надеяться. И вот тогда обязательно придет помощь свыше, познаешь сердцем любовь и чистоту. Возникнет гармония с самим собой, со своими недостатками и достоинствами, что и позволило мне, например – той, кто находился в свое время на краю жизни, – освободиться от влечения к алкоголю и стать намного лучше, чем была раньше. Позволило достичь серьезного положения в обществе, заниматься любимым делом и, как ты хорошо сказал, учить детей жизни...

Короче, загрузила я тебя, но ведь предупреждала же, что это целая философия и разбираться в ее тонкостях будешь сам. – Людмила бросила окурок на асфальт и затерла его изящным сапожком. – Пойдем, что ли, в кафе посидим с ребятами. Да и скажу я тебе еще, что не все алкоголик тот, кто отвратительно выглядит, бродяжничает и водку стаканами глушит! Не обязательно он должен быть глубокой пьянью. На самом деле это уникальный менталитет, отличное от других людей понимание жизни, ну и некое особое состояние тела!..

В этот момент в кармане ее плаща зазвонил сотовый. Открыв инкрустированный блестящими камнями телефон, Людочка прислонила его к уху: «Привет-привет!» Петька по старой привычке машинально прикинул на глаз стоимость аппарата, но сразу же запутался в нулях.

«Не, я в центре, с ребятами, – она обернулась в поисках чего-то. – Ну, здесь, на Октябрьском. Хорошо, жду!»

Захлопнув крышку, она виновато улыбнулась:

– Нет, сегодня не получится. Жаль, Петьк, неплохой ты мужик, как я погляжу, наивный только. А ты, Маргоша, скоро зацветешь! Хотела я с вами и с Настей посидеть где-нибудь, да труба зовет! Ну ладно, бывайте, друзья! Борисыч, пока, мой хороший!..

Женщина по имени Людка махнула холеной ручкой и направилась в сторону подземного перехода. Серега глядел ей в след.

– Н-д-а-а... – протянул он. – Есть с этой мадам о чем разговоры вести! Как-никак директор школы! Высшее образование! Интеллект!

– А что образование? – подала голос до сих пор незаметная Настя. – У меня-то десятилетка, но я в этой же школе преподаватель основ безопасности жизни! – Она гордо вскинула голову, но, смутившись, добавила: – С Людмилиной подачи, конечно.

– Угу-у-у... – еще раз протянул Борисыч, подождав, пока старая приятельница скроется под землей, и кивнул, как бы соглашаясь с Настей.

– Людка – она человек! Я-то тоже с ее подачи за месяц диплом защитил в этом, как его, в Политехническом! – Серега наморщил лоб и грустно вздохнул. – А то сидеть бы мне еще годков д-цать где-нибудь на вечернем, понимая, что алкогольное безумие не дало возможности в свое время доучиться! Блин, как просто она все устроила! Позвонила ректору, что-то сказала – и все дела... – он с восхищением прищелкнул языком и толкнул Фрола: – Ну а ты что? Небось, продолжаешь думать, что попал... непонятно куда? Считаешь, что тебе-то уж точно с этими людьми делать нечего? Решил, что, дескать, обманула твоя подруга? Вроде как привела тебя, глупого такого, бросила на произвол судьбы, а мы тут просто эстафету перехватили!

Но Фрол опять молчал. Сейчас он размышлял о тех жизненных тонкостях, про которые рассказала женщина по имени Людка. Сначала она поведала ему о таинственных космических материях, об обязательной ответственности перед кем-то Высшим, о некоей постоянной величине существования мира и о неспособности человечества изменить сию константу по своему желанию... Хм, действительно продемонстрировав таким образом свой нехилый уровень интеллекта. Но одновременно директриса поделилась с ним опытом потребления внутрь клея «БФ», борного спирта, обронила что-то о роте барабанщиков и призналась в отчаянном желании разрушить планету. Такой опыт считался в Петькиных кругах очень интересным, почти изысканным, а уж рассказы о неординарном поведении завсегдаев аптек и посетителей ларьков бытовой химии вообще сопоставлялись лишь с боевиками и порнофильмами. В другом месте или в иное время Фрол с удовольствием послушал бы продолжение ее приключений, вставив по ходу свои ремарки и замечания, но... Сейчас события выходили за рамки его привычных представлений о невероятном, и Петька просто не был готов к подобной дискуссии.

Ему вспомнилось, что два часа назад Кукуша вышла с ним из такси и завела в помещение, где, по ее словам, собираются настоящие алкоголики и наркоманы. Получилось так, что Петька являлся и тем и другим и прекрасно понимал, что ожидать от таких людей можно всего, чего угодно, но он никогда в жизни не думал, что попадет в эту непонятную историю. Богатый внешний вид – ну ладно, это можно хоть как-то пережить. Вежливость и образование тоже дела приходящие и зарабатываются постепенно, по мере взросления. А откуда взялись тонкости пьяных будней, их яркие подробности и совсем уж нечеловеческие страдания похмельного бреда, знать о которых вот так вот сбоку припека не получится?! И как быть с неповторимым сленгом конченных бродяг и маргиналов, коим сам-то он владел в совершенстве, но на котором почему-то прекрасно изъяснялись и эти господа?! Ведь все это ну никак не соответствовало им и просто сбивало с толку, заставляя Фрола учащенно дышать и нервозно воспринимать услышанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.